Дмитрий
Каннуников

18+

РАЗВЕДЁНКА

Разведёнка

Жанр произведения: Другое
Произведение написал автор BookBox Дмитрий Каннуников
Ссылка на публикацию

Часть первая

Кастинг

Зазвонил телефон. Номер не определялся. Пять утра, кому приспичило? Сказать, что он был раздражён, - это промолчать.

- Васисуарий, - ответил он на звонок.

Короткое молчание.

- Ты, Васька, это брось там, жопа с ручками, Васисуарий - писуарий, бля, давай, вставай и на работу, - услышал он в трубке знакомый голос патрона.

- Да, Леонид Парфёныч, - он подобрался, сон как рукой сняло, - слушаю.

- Я в Тае сейчас, таю… ха-ха, каламбур. Так вот, канал твой, думаю, закрывать, денег совсем не приносит, поднимай своих дармоедов, думайте, или через месяц у вас рейтинги зашкаливают, или грузчиками на овощебазу, нет, на вокзал, уголь разгружать лопатами, - в трубке весело заржали, - дерзай.

Васисуарий резко сел в кровати, слева, раскинув длинные светлые волосы по подушке, лежал и спал его друг и любовник Серж. Почему-то это очень разозлило Васисуария, он сбросил Сержа пинком на пол и высоким, писклявым голосом закричал:

- Чего спишь, быстро мне кофе и омлет с беконом, надо срочно на работу.

Обиженный Серж поднялся с пола и побрёл на кухню, тряся головой, как будто стряхивал остатки сна, через несколько минут там хлопнула дверь холодильника, громыхнула сковородка, зашипела газовая плита. Васисуарий встал, надел халат и направился в ванную. Горькие думы легли на чело.

Васисуарий - по паспорту Василий Иванович Катышкин, с ударением на первый слог - уроженец города Сливска, очень не любил своё имя, фамилию, а особенно отчество - банально, по-быдляцки. С детсва он считал себя особенным, папы у

него не было, его воспитывала мама, которая говорила, что её Васенька далеко пойдёт. Так как мужским воспитанием он был обделён, то женское воспитание накрывало его с головой. Он носил колготки до лета, у него была фиолетовая меховая шапка и розовый шарфик. Пальто было бордого цвета. Мама очень хотела девочку и не скрывала этого. Пацаны во дворе с ним не играли, часто били. Он жаловался маме, мама шла к родителям ребят, жаловалась на них, они получали от отцов люлей, выходили на улицу и снова наказывали ябеду. Кличку ему дали Гнус. Он любил играть с девчонками, но пока девочки были маленькими, они разрешали ему играть с их куклами, а когда подросли, стали сторониться этого непонятного мальчика. Вася решил, что когда подрастёт, станет знаменитым актёром, будет получать много денег, вернётся в родной город и отомстит всем, они будут ему завидовать, бежать за его красивой открытой машиной, как у Юрия Гагарина, все будут бросать ему цветы и говорить: «Это же он, Василий Катышкин, наш любимый актёр!»

Все мамины переживания и эмоции валились на голову ребёнка. Мама работала помощником бухгалтера на швейной фабрике и всю жизнь искала себе мужа. Все эпитеты по поводу новых её кавалеров: алкаш, алиментщик, кобель, урод, всё передавалось мальчику, потом мама плакала, а он уже не хотел быть мужчиной, так как они обижают маму.

Она обнимала его и говорила: «Только ты у меня мужчина».

В 17 лет замаячила армия, школа для настоящих мужчин, но мама решила, что в армии над сыночком будут издеваться и, заняв денег, отвезла его в областной Замутинск, в театральное училище. С горем пополам отучился 1-й курс, и тут в дверь общежития постучался военком с повесткой. Оказывается, учёба в театральном училище не даёт отсрочку от великого и нужного дела в возмужании подростка. Василий собрал вещи, занял у сокурсников сколько мог, купил билет в Москву.

Сутки в прокуренном, воняющем туалетом и потом общем вагоне, в обществе непонятно куда и откуда едущих людей, и он в Москве. Златоглавая встретила его теплом уходящего лета. Оставив вещи в камере хранения, пару дней переночевав на лавочке возле театра «Современник», он был замечен неким молодым человеком, который пригласил его к себе в гости. Представился Маратом Заволокицким, артистом театра, какого не сказал, угощал водкой со шпротами. Опъянев, Василий рассказал ему о своей мечте стать великим артистом.

- Всё сделаем, Василий, только не просто вот так, нужны годы труда, начинать с малого, чтобы тебя заметили, роли ведь так не даются… Но… я сведу тебя с

нужными людьми, ты парень красивый, им понравишься, всё у тебя будет хорошо, - он погладил Василия по голове и поцеловал в губы.

Кто такие эти «нужные люди» Василий понял очень скоро. Он был любовником то одного «нужного человека», то второго. Ему снимали жильё, шили дорогие костюмы, он отпустил длинные волосы. Несколько раз даже был статистом на известных спектаклях, выносил на сцену стул. Спекталь сняли для телевидения. Он попросил эпизод с выносом стула вырезать отдельно и показывал друзьям и знакомым - вот, мол, я, видите, по телевидению показывали. Он даже придумал себе псевдоним - Васисуарий Апполонович Катышанский, чтобы быть поближе к бомонду. Но годы шли, он обрюзг, потолстел, начал лысеть. Конечно, в бомонде его знали, но последний любовник выгнал его на улицу, сменив на смазливого мальчишку. Он караулил его, устраивал сцены в общественных местах, пока тот не познакомил его с одним «телемагнатом», который оказался земляком из Сливска, Леонидом Парфёнычем Соломкиным, который владел в Сливске местным кабельным каналом. При первой встрече он сказал:

- Извини, заднеприводным руки не подаю, не правильно поймут. Но говорят, что вы везде, в телевизоре, там, театрах разбираетесь. Мне по хер, кто ты такой, будешь директором моего канала, зарплата - 50 тысяч, рублей, естественно, губы не раскатывай, да, чтобы в Сливске не знали, что ты пидорас, а то меня мои партнёры не поймут.

Конечно, слова Соломкина задели за живое Васисуария. Он иногда в мечтах, в розовой меховой будёновке, на обитой розовым плюшем тачанке, которую несут вдаль резвые белые скакуны, под развевающимися радужными знамёнами, гнал всех этих гомофобов до Охотского моря, расстреливая из покрытого стразами маузера, но… согласился сразу. Взяв 10 тысяч, брошенные на стол его новым патроном, собрав костюмы и вещи, оставшиеся от «прошлой» жизни, он поехал на вокзал за билетом. Там он и встретил Сержа, пока ещё совсем не опустившегося недобомжа, с длинными волосами, трёхдневной щетиной, но в мятом, явно дорогом костюме. Парень сидел на лавочке, Васисуарий подсел к нему. Оказалось, что Сержа, как и его когда-то, бросил любовник, парень приехал из Устьперепиздюйска, где его никто не ждёт. Василий предложил ему ехать с ним в Сливск, описав радужные перспективы. Тот согласился, и через 4 часа они ехали в купе с двумя командировочными, которые с опаской смотрели на эту пару. Всю дорогу Васисуарий гундел, что в этом поезде нету даже СВ, приходится ехать с мужланами.

Мама, уже пару лет как умерла, оставив ему однокомнатную квартиру в «сталинке», в центре Сливска. Сначала он звонил из Москвы почти каждый день, рассказывая о своих театральных успехах, мама даже порывалась приехать и

посмотреть, как сын «блистает на подмостках», но каждый раз приезд откладывался, потом стал звонить реже, раз месяц, потом раз в полгода, потом иногда на Новый год, однажды она сказала ему, что её кладут в больницу и оставила номер телефона, он перезвонил через три месяца, но сказали, что она давно умерла. Похоронили её на кладбище за счёт города, никто из родственников не приехал. Он рванул на неделю, оформить наследство, ходил по инстанциям, стоял в очередях, ругал бюрократическую систему, хотел даже продать квартиру, по поняв, что ничего на эти деньги в Москве не купит, решил оставить до лучших времён. Теперь квартира пригодилась.

Не буду рассказывать, как он входил в должность. На тот момент директором канала была бывшая любовница патрона Илона, нынешняя любовница - владельца меховых салонов дагестанца Мурада. Она каждые 5 минут истерично звонила Леониду Парфёнычу, кричала в трубку, требовала убрать «этого пидораса» обратно в Москву, в итоге патрон поставил её в чёрный список и дозвониться она ему больше не могла. Он же спокойно и деловито давал хозяину все отчёты, рисовал перспективы на будущее. Быстро уволил подружек бывшего директора, которые наводнили канал своими сериалами и бабскими выкладками. Серж стал его секретарём и помощником за 15 тысяч рублей. Приезжал даже этот Мурад, раздувал щёки, но, поговорив с Парфёнычем по телефону, извинился и больше в редакции не появлялся.

Нужна была «бомба». Тут, к несчастью, загорелась одна из лесопилок, недалеко от города, и канал вёл прямой репортаж, а потом провёл независимое расследование. Весь город ждал обещанное расследование, но там оказался замешан сын мэра, и в обмен на то, что это не покажут, канал получил дотацию от города «на развитие» и заказ на рекламу сети магазинов, которыми владела жена мэра. Патрон был доволен. Как сказал по-пьяни единственный оператор, он же монтажёр Гоша Скалозуб: «Как всегда, пидорасы победили».

Назревал очередной кризис, деньги текли как вода сквозь пальцы, на проценты от рекламы и дотаций Васисуарий купил в единственном в городе салоне «Ладу-Калину» цвета металлик. Правда, из-за этого поругался с Сержем, и они два дня не разговаривали - любовник хотел ярко-красную. Хоть связь свою они не афишировали, но все и так знали, что живут они в одной квартире, и ни один, ни второй за 3 месяца даже не завели роман ни с одной красавицей города, а Серж вёл себя, по мнению обывателей, «как педик». Многие мужи города старались не здороваться за руку с Васисуарием или демонстративно после рукопожатия шли в туалет мыть с мылом руки, чтобы «не заразиться».

Надо сказать, что досуг в Сливске был не на высоте. В старой, ещё «совдеповской» гостинице «Жемчужина Сливска», или «Сливе», как её называли

жители города, цены были высокие, туда ходили только местные «богатеи» и коммерсанты. Было в городе 4 кафешки, которые держали приезжие армяне, они же были владельцами небольших круглосуточных магазинчиков, которые как на дрожжах росли на первых этажа домов. Там цены были пониже, но еда и пиво похуже. Кинотеатр давно закрыли, здание выкупила азербайджанская община и быстро переделала в торговый центр. Полиция туда не совалась, там жили по своим законам, торговали всем, чем только можно, по слухам были там и наркопритоны, и публичный дом, и ломбарды. По вечерам возле чёрного входа в бывший кинотеатр ошивались тёмные личности , явно бандитской наружности. Добропорядочные граждане обходили это здание стороной. Был ещё молодёжный клуб с незамысловатым названием « Молодёжный», славившийся своими драками. Вот и всё, не считая городского парка с колесом обозрения и автодромом, помнившим счастливые времена «застоя». Да, забыл про местный Дом культуры, полупустое, требующее ремонта здание, где детей учили музыке, танцам и пению, по субботам там была дискотека «кому за 40», а по воскресеньям «кому за 60», где собирались одинокие дамочки и мужички, помнившие «эпоху исторического материализма». Говорят, иногда там кипели страсти почище, чем в «Молодёжном», особенно если к кому-то приезжали деревенские родственники.

В городе была швейная фабрика, 2 рабочие лесопилки, одна фабрика по производству ДСП, вторая делала деревянные паллеты и катушки для кабеля, не считая несколько частных шиномонтажей и автомастерских. Зарплаты невысокие, не разгуляешься, рабочих мест мало, поэтому после каждого выпуска молодёжь собиралась в шараги и уезжала в Москву на заработки, редко кому удавалось там жениться или выйти замуж и остаться, в основном через месяц-два возвращались назад, ругая Путина, Медведева и зажратых москвичей. Приезжали и садились на шеи родителям, работать за копейки никто не спешил, все ждали, что вот сейчас что-то изменится и им свалится с неба по миллиону зелёных, на которые можно будет модно одеваться и тусоваться целый день, попивая пиво. А пока все ходили в том, что шила местная фабрика, то есть в одинаковом. Когда местный класс поехал на экскурсию в Москву, их приняли за футбольную команду, все были одеты в красные пуховики, синии вязаные шапочки, зелёные спортивные костюмы, только обувь у всех была разная.

Одна только Валька Шутейкина уже седьмой год подряд приезжала на недельку из Москвы, собирала подруг в кафешке у Армена, угощала всех шашлыком, пиво только бутылочное, а то наразливают тут. И рассказывала, что работает менеджером в Газпроме, все ей завидовали, подруги потом месяц портили жизнь мужьям, собираясь разводиться и уезжать в Москву, где хорошо. Но потом Генка Старицкий, который вахтой мотался туда на стройку, всем сообщил, что

видел её в Химках, на трассе, среди проституток, когда его везли на работу. В очередной приезд Вальке всё рассказали, она обиделась, ушла, не заплатив, и больше в городе её не видели.

Но местные реалии мало волновали Васисуария, ему нужна была очередная «бомба». Он вышел из ванной в распахнутом халате, из которого торчало пузо:

- Так, срочно обзвони всех, совещание через полчаса.

- Но, пусик, сейчас полшестого утра, - надул губы Серж, который стоял в переднике на голое тело и раскладывал по тарелкам омлет с колбасой. В белоснежных чашках дымился растворимый кофе.

- Никаких пусик, кто у нас секретарь, я за что вам зарплату плачу? Кто опоздает, тот уволен, иди, одевайся, повезёшь меня, мухой, я сказал, - и хлопнул по голому заду пробегающему секретарю, - совсем распустился.

Он сел за стол, стал непрожёвывая глотать омлет, запивая кофе, тяжкие думы роились в голове:

- Что делать? Шоу провести, антикоррупционное расследование? Было, не прокатит. Пожар? Наводнение? Хоть самому что-нибудь поджигай. Фильм снять? Сейчас соберу дармоедов, пусть думают. За что им деньги платят?

- Да, срочно..., сам только узнал..., уволит, всем собраться...., - услышал он разговор из прихожей, Серж обзванивал штат канала.

Когда в полседьмого он зашёл в переговорную комнату (начальство не опаздывает, начальство задерживается), там уже были все работники канала.

На столе, свесив ноги, сидела креативный директор, она же выпускающий редактор Ираида Варфоломеевна Шдырь, в отличие от Васисуария Апполоновича, так у неё было прописано в паспорте. Ираида была лесбиянкой, вернее, хотела ею быть, но не находила себе подобных среди жительниц города. Мужеподобная баба, с лошадиным лицом в очках, плоская, в застираных джинсах и неизменной рубашке-ковбойке в красную клетку. Мужская половина канала называла её Варфоломеич. Она решала, какую передачу выпускать, какую - нет, а также за креативность в этих передачах, вернее, в рекламах, которые были похожи одна на другую - фото магазина, ателье или автомастерской и занудный голос самой Ираиды за кадром.

Возле кулера оператор-монтажёр Гоша Скалозуб и его помощник Гена Мухтаров наперебой наполняли пластиковые стаканчики ледяной водой, залпом выпивали и снова наливали. У обоих красовались фингалы, только у маленького и щуплого

Гоши под правым глазом, а у маленького, но толстого Генки - под левым.

- Ты эту шмару запомнил, из-за которой мы вчера в «Молодёжном» звездюлей получили? - спрашивал Гоша.

- Ну да, Ленка Берёзкина, из восьмого дома, мы с ней в одном классе учились.

Гоше было сорок три, Генке двадцать пять, но они были не разлей вода, учитель и ученик, их часто видели в кафешках и на дискотеках. Морщинистое, узкое лицо Гоши всегда лучилось добротой, как, в общем, и круглое, по-детски наивное лицо Генки. Гоша мечтал снять у себя дома самую крутую порнуху со своим участием, Генка тоже хотел участвовать. Они ходили каждую субботу на дискотеку в «Молодёжный», приглашали на кастинг всех мало-мальски красивых девчонок, но кроме звездюлей, пока ничего не могли снять.

В углу скромно сидела Тоня, курьер, страшненькая угловатая женщина, с серым лицом и острым маленьким носиком. Она ходила вечно сгорбленная, когда разговаривала с кем-нибудь, то смотрела в пол. На канале её замечали, только когда надо было что-то отправить или отнести по адресу, а так она могла весь день незаметно просидеть в уголке.

Два щуплых сисадмина Лёлик и Болик, чем-то друг на друга похожие, хотя один был блондин, а второй рыжий, разговаривали на непонятном языке в другом углу, иногда переходя на шопот.

И, наконец, местная знаменитость, светский, так сказать, лев, в которого были влюблены все женщины города от 40 или даже от 45 лет. Диктор местного телевидения, единственный, кто остался на канале после того, как разогнали женский коллектив подружек, - Лев Давыдович Пудин. Пятидесятипятилетний, высокий, седовласый, представительный с красивым, глубоким голосом Лев Давыдович всегда носил костюмы и рубашки, вместо галстука на шею повязывал шёлковый платок. Ещё у него были шляпа и трость с набалдашником в виде пуделя. Говорят, в молодости он покорил много женских сердец, был женат третий раз, даже распускал сам про себя слухи, что жеребец он ещё тот, но… злые женские языки в кулуарах поговаривали…, что не тот уже Лев, не тот…

Сначала Васисуарий даже подумал, что Лев «их» человек, но после намёков понял, что нет, совсем «не их», но на канале его оставил, как человека из богемы.

Сейчас Лев Давыдович прямо сидел на отодвинутом от стола стуле, положив руки на голову пуделя, шляпа лежала на столе.

Все поздоровались с директором и секретарём.

- Ну-с, молодой человек, зачем вы нас собрали в столь ранний час? - спросил Лев Давыдович после «здрасьте».

- У меня для вас пренеприятнейшая новость, - сказал Васисуарий Апполонович.

- Знаем, к нам едет ревизор, - прервал его Лев Давыдович.

- Попрошу не прерывать, - взвизгнул директор, - моду взяли, совсем распоясались.

Все изумлённо замолчали.

- Хотят закрыть канал, у нас срок месяц что-нибудь придумать, что выстрелит. Давайте думать сейчас, мне к вечеру нужна концепция, с которой я выйду на владельца канала или, может, сейчас все напишем заявления? Что замолчали? Я жду. Ираида Варфоломеевна, вы кажется, креативный директор?

- А давайте свой «Дом-2» снимем, наберём молодёжь, снимем домик на озере, будем их снимать круглосуточно…

- Ага, на две штатные камеры, - подал голос Гоша, - круглосуточно, как это у вас интересно получится?

- И мы потом 10 лет будем кормить малолетних дармоедов, - возопил Васисуарий, - нет уж, бюджет у нас небольшой, могу подтянуть в качестве рекламы местные кафешки, магазины, тысяч сто, ну, может, двести.

- А давайте устроим рэп-фест или стэнд ап фест, соберём рэперов или комиков по району, снимем, лучших растянем на 3-4 тура, или танцы, батл, - сказал Лёлик или Болик, их тут все путали.

При слове «стэнд ап» Васисуарий поморщился, не любил он Руслана Белого, ярого гомофоба, человека, на всю страну призвавшего открыться ЛГБТ-активистам, выйти из подполья, показать, так сказать, лицо, да и среди рэперов заднеприводных не особо, хотя, не понаслышке зная, как входят в шоу-бизнес, его всегда это удивляло.

- Нет, не пойдёт, муторно, с полицией согласовывать надо.

- А если шоу типа холостяк? Я бы снялся, наберём нимфеток, штук двадцать, пусть бьются за сердце мужчины, готовят, убирают, ублажают, - подал голос Лев Давыдович.

- Ну, во-первых, вы женаты, Лев Давыдович, а во-вторых, выдержите ли вы двадцать нимфеток? - парировала Ираида.

- А мы бы в постельных сценах помогли, - заржал Гоша. - Правда, Ген?

- А то, - поддержал учителя ученик, - к тому же мы не женаты.

Лев Давыдович посмотрел на них, как его полный тёзка на врагов революции.

- Вам, молодые люди, да простят меня сидящие здесь дамы, даже портовые шлюхи не дадут, с вашими, извините за выражение, рожами.

- Что, слышь ты, попугай, это тебе не дадут…, - подскочил к нему Гоша.

- А если не холостяк, а холостячка? - тихо сказала сидящая в углу Тоня, глядя в пол.

Казалось, что на фоне разгорающегося скандала никто её не услышал, но Васисуарий услышал:

- Что? Холостячка? Молодец, девочка, премию тебе, 1000 рублей! Нет 500, а да ладно 700, не обеднеем. Только Холостячка, как-то не комильфо, ну да ладно, Ираида, слышала?

- Да, Васисуарий Апполонович, слышала.

- Так, будет одна девушка, нет, это плагиат, пусть будет разведённая или даже лучше вдова. Хотя нет, подумают, что чёрная вдова, пусть разведённая, мужичков её возраста, человек пять, ну чуть постарше, каждый со своими достоинствами, неженатый или разведённый. Записывай, Серж, - Васисуария несло. - Так, если разведена, то уже не холостячка, а разведёнка, отличное название. Так, все слушаем и начинаем работать. Объявление на кастинг. Нужна разведённая женщина, лучше без детей, и 5 мужчин примерно того же возраста. С армянами насчёт кафешки и кормёжки договоримся, может насчёт шопинга в магазине жены мэра, романтическое свидание у неё дома. Отметь, чтобы не в бараке жила и не в коммуналке, а то с камерами не поместимся, так, мужиков давайте 4, а то в бюджет не уложимся, платим за съёмку 100 рублей в час. Ираида, с тебя сценарий к вечеру. Серж, договорись с мэром о встрече, узнай, где он обедает сегодня. Поеду выбивать деньги. Всё, работаем.

Все разошлись по рабочим местам. Васисуарий зашёл к себе в кабинет, окрыл сейф, достал 2 бумажки по 500 рублей, руки дрожали, не просить же сдачи, он положил одну купюру в конверт, вторую сунул в карман. Конверт отдал Тоне, так и сидевшей в углу.

В обед он уже сидел в «Сливе», попивал сок из трубочки, мэр приехал ровно в час дня, сел за отдельный столик. Как только мэр сделал заказ и начал есть, Васисуарий поднялся и пошёл к его столику, очень удобный момент, уже не убежит:

- Ба, Александр Ефимович, какая встреча! - воскликнул он, разводя руками.

- Добрый день, Васьси-си-суарий, кажется, Апполонович, извините, трудно выговорить ваше имя, - по лицу мэра было видно, что он не особо рад встрече.

- Ничего страшного, как говорится, называйте, как хотите, только в печь не суйте, ха-ха.

- Ну и юморок у вас, - сказал мэр, пряча руки под стол.

- Разрешите?

- Присаживайтесь, - по лицу мэра видно, что он хотел сказать, во всяком случае, подумал совсем другое.

- Александр Ефимович, мы решили поменять формат нашего канала.

- Интересно, надеюсь, не начнёте страдать ерундой и искать коррупцию, где её нет, - натянуто улыбнулся мэр, семье которого принадлежали контрольные пакеты акций всех предприятий города.

- Ну что вы, наоборот, хотим шоу снять, так сказать, в тему о браке, семье, рождаемости.

- Это хорошо, рождаемость упала в районе.

- Будет шоу и ток-шоу с дебатами, - идея с ток-шоу только что пришла в голову.

- Что от нас надо?

- У вашей жены сеть магазинов электроники, ну подарок небольшой молодожёнам, они прорекламируют магазин, с Арменом поговорите, чтобы в своём кафе романтичекое свидание сделал участникам. Денег, если можно, тысяч 300, рекламой отработаем. Конечно, вашу фамилию в титрах, на благое дело же, зал в ДК для съёмки ток-шоу и ещё тысяч 50 на декорации.

- Ладно-ладно, предоставьте смету, посмотрю.

- Завтра же пришлю курьера, на ток-шоу можем повесить рекламу швейной фабрики, фабрики ДСП, тысяч за 50 всего, с каждого, копейки.

- Ага, копейки, зачем реклама, если на этих фабриках полгорода работает.

- А если мы шоу в Москву продадим, на телевидение, ТНТ или даже Первый, может, наш Малахов лучше ихнего окажется.

- Любого уговорите, Вась-си…, блин, извини.

- Участникам бы неплохо на «швейке» костюмы пошить безвозмездно, тоже реклама.

- Ладно, позвоню Людмиле, директору. Подъедете, поговорите.

- Золотой вы человек, Александр Ефимович, временно вас обнимаю.

Он, пританцовывая, удалился.

Через час он уже сидел в кафешке «У Армена». Надо сказать, что армяне - владельцы кафешек не отличались интеллектом, и поэтические таланты у них отсутствовали напрочь. Поэтому остальные три кафешки назывались «У Сурена», «У Карена» и «У Гагика» по именам владельцев, магазины у всех назывались «24 часа». Армен, Карен и Сурен были родные братья, а Гагик – их двоюродный дядя. При этом они были самыми злейшими конкурентами, а в такой борьбе все средства хороши.

- Армен, друг мой, - вещал Васисуарий, сидя напротив носатого, как грач, армянина, - всё только для тебя, я к тебе и пришёл, потому что у тебя самое лучшее кафе и самый вкусный шашлык.

- Вай, дарагой, харашо гаваришь, - кивал головой армянин, - что хочешь, всё сделаю…

- Новое шоу, надо будет 4 вечера подряд накрыть стол на двоих, ну там лучшее блюдо, шашлык, вино лучшее, на стол белую скатерть, парень с девушкой посидят, похвалят твой шашлык, вино, мы всё снимем и покажем. Чтобы вообще круто было, ты вывеску замени на ресторан «Арагви» или «Арарат».

- Хорошо бы, да твоя передача закончится, налоговая придёт, скажет: «Плати, как за ресторан», за кафе один налог, за ресторан - другой.

- Ну ладно, пусть будет кафе, надо потом ещё съёмочную группу накормить.

- Дорого 4 дня кормить.

- Ну, стол, там сыр-мыр, шашлык-машлык, вина не надо, трезвые нужны. В Москву поедет шоу, все про тебя узнают. Если не хочешь, пойду к Карену или

Сурену.

- Ладно, дарагой, фильм будешь показывать. Боевик, рекламу кафе вставишь в середину.

- Договорились, как раз третьего «Терминатора» будем в следующем месяце показывать.

Ещё через час он уже ходил по Дому культуры с директором и присматривал помещения под кастинг и ток-шоу. Под ток-шоу в итоге выбрали концертный зал с большой сценой, а под кастинг комнату, где занимался народный ансамбль «Коноплянка», лауреаты больших и малых конкурсов. Он попросил снять название, но директор упёрся и ни в какую - мол, очень известные артисты. В итоге договорились поставить ширму и снимать на неё.

- Алло, Ираида, пришли оператора в ДК, пусть поставят ширму и завозят аппаратуру, и давайте объявление о кастинге, завтра с 9 утра. Какая помощница, а хлопушкой щёлкать, возьмите Тоню, пусть поработает, это телевидение или где? Объявление обязательно, в завтрашний номер «Вестника», обязательно, сто рублей час. Да, скоро буду, смету мне, давайте на 500 тысяч, а там как подпишут, думаю, что 200 максимум, реклама обязательно, само собой. Пусть грузят в мою машину и в ДК, да, буду ждать.

Через полчаса, как раз с директором успели выпить по чашечке чая и поговорить о новом проекте, приехал Серж на машине, привёз друзей операторов. Они стали вытаскивать из машины камеры, кофры, какие-то палки, треноги, непонятно как они туда поместились вместе с этим барахлом, поистине наш автопром умеет удивлять.

- Так, всё, поехали в офис, заберём смету и сценарий, потом ужинать к Армену и домой, завтра тяжёлый день. Пока они ехали к офису, везде - на столбах, тумбах, стенах, заборах и даже на стенде «Их разыскивает полиция» - белели листовки, распечатанные на принтере:

«Внимание, на новое шоу «Разведёнка» требуются актёры, женщина 30-40 лет, разведённая, ухоженная, без мп и жп. Также 4 мужчины 30-40 лет, опрятной наружности, желательно без вп. Тому, кто дойдёт до финала, будет выплачен приз 25 тысяч рублей и подарена стиральная машина в сети магазинов «Барс+», кто дойдёт до полуфинала - получит приз 10000 рублей.

Кастинг будет проходить в ДК «ДСП» с 9-00 утра и до 18-00 вечера. За съёмки оплата почасовая, 100 р/ч.»

Наутро по фойе ДК бродили пять женщин и семь мужчин, причём двое из них братья Сурен и Карен. Когда они увидели входящего Васисуария, бросились к нему:

- Ты почему с братом разговаривал, а с нами нет? Дядя Гагик сказал, что если ты к нему в кафе придёшь, выгонит тебя, - стал кричать Карен.

- Да не пойду я к вашему дяде, у него на кухне тараканы бегают, вот такие, - и он показал на ладони таракана, размером в большого карася, - как будто он их с Мадагаскара привёз.

- Какой Мадагаскар, мы к тебе всегда, как к брату, а ты…, - обиделся самый младший, Сурен.

- Про Армена в Москве узнают, а про нас нет, - кипятился Карен, - всё иду к тебе в передачу, давай, куда идти.

- Ты же женат, нельзя тебе в передачу.

- Всё развожусь. Давай, куда говорить?

- Подожди, брат, не кипятись. Зачем разводиться? У тебя дети, давай, я пойду на передачу, всё им скажу, - сказал младший.

- Тебе тоже нельзя, тебе 30 нет.

- Э, мне 29 с хвостиком, скоро тридцать.

- Вот будет 30, приходи, - вывернулся Васисуарий.

- Тогда я, - сказал Карен. - Куда идти?

- Ну, ладно, пойдём, только если тебя выберем, бумажку принесёшь, что разведён.

- Хорошо, принесу.

Они вошли в помещение, где съёмочная группа готовилась проводить кастинг.

Посередине комнаты стоял стул, за которым был натянут экран. Одна камера стояла на штативе, должна снимать статично, со второй на плече бегал Гоша, приноравливаясь снимать с разных точек. За штативом стояло старое кресло, на спинке висела табличка «Режиссёр». В углу сидела Тоня с колотушкой в руках, ей что-то объяснял Гена. Рядом с креслом стояла Ираида в неизменном своём ковбойском наряде и листала какие-то страницы, скреплённые скрепкой.

- Так, с женщинами у нас побогаче - бывшая любовница мэра, нынешняя любовница мэра, домохозяйка, учительница и безработная. Так, с нее и начнём.

- Куда садиться, что говорить? - кричал Карен.

- Вот сюда, на стул. Гена, свет и камеру включи. Давай, Карен, говори.

- Что говорить?

- Про себя, про твой развод. Камера!

- Я Карен Вазильянц, - начал армянин, - мне 38 лет, я развёлся со своей женой, чтобы участвовать в этой передаче. Приходите в моё кафе «У Карена», самый вкусный шашлык гарантирую, самый лучший вино достану. У меня лучше, чем у Армена и Сурена. Я закончил. Ну как, красиво я сказал?

- Стоп, снято, - вдруг крикнула с места Тоня.

- Всё, иди, разводись, если кастинг пройдёшь, то мы тебе позвоним, - сказал Васисуарий.

Карен гордо окрыл дверь, а там, в фойе, его ждали маленькая, толстая, усатая жена и трое ребятишек, которая сразу набросилась на него с кулаками и стала визгливо кричать по-армянски, Карен ей ответил тоже по-армянски. Она повернулась, что-то сказала детям, те бросились к отцу, маленькие схватили его за ноги, старший обхватил за талию, и повисли как гири. Он взял самого маленького на руки, и они, ругаясь, направились на улицу.

Съёмочная группа молча наблюдала эту сцену через открытую дверь. Когда шумная армянская семья вывалилась на улицу, Васисуарий сказал:

- Так, с этим ясно, братья отвалились, давайте чередовать - сначала женщина, потом мужчина. Кто первый?

- Элеонора Станиславовна, 43 года, была замужем 2 раза, на данный момент разведена, - сказала Ираида.

- Бывшая любовница мэра, - прокомментировал Гоша.

- Заходите.

В комнату вошла миловидная, в прошлом красивая, но потерявшая формы женщина, в чёрном платье с кружевами, на голове чёрная шапка с вуалью, которая чуть скрывала правильные черты лица.

- Здравствуйте, у вас можно курить? - спросила она томным низким голосом и, не дождавшись ответа, достала из чёрной же сумочки длинный мундштук и пачку тонких сигарет «Винстон», вставила сигарету и прикурила от элегантной позолоченной зажигалки. - Куда садиться?

- Сюда, присядьте, - указала на стул перед белым экраном Ираида, - сейчас включим камеры, расскажите о себе.

Дама села на стул, элегантно закунув ногу на ногу, красиво откинув локоть, поднесла к губам мундштук. Со стула вскочила Тоня, хлопнула у неё перед носом хлопушкой:

- Кандидатка на шоу «Разведёнка» номер один, - прокричала она.

Гена включил камеру на треноге и стал поправлять свет, чтобы выгоднее подчеркнуть лицо.

- Рассказывайте о себе, - сказал Васисуарий.

- Ой, ну что тут рассказывать? Зовут меня Элеонора Станиславовна Райх, мне 43 года, два раза была замужем, первый муж оказался алкашом… Ой, извините, пьяницей. Уносил из дома вещи, нигде не работал, я его выгнала, второй не мог иметь детей, а я очень хотела, на этой почве у нас были скандалы, мы развелись, он уехал из города. Теперь живу одна.

- С мэром, - тихо хихикнул Гоша.

- Что вы хотите найти в нашем шоу? - спросил за кадром режиссёр.

- Ой, ну хочу мужа найти, приличного человека, родить ему ребёнка.

- А не поздновато?

- Нет, ну что вы, я была у врача, ещё есть шанс, только надо, чтобы человек был надёжный, обеспеченный, мог содержать меня и ребёнка, с квартирой, а то будет в моей жить, а если вдруг что не так, это ж надо будет делить, а я не люблю суды, вот, - она замолчала, поднесла красиво мундштук к губам и эротично выпустила колечко дыма.

При свете софита лицо вспотело и макияж поплыл:

- Ой, извините, не снимайте, пожалуйста, я сейчас, - она суетливо вскочила, закрывая ладонью лицо и выскочила из комнаты.

- Так, ну это на полчаса, не меньше, - сказал Гоша, - она со мной в одном классе училась, ей в туалет сходить перемены не хватало.

- Хорошо, давайте мужчину, - сказал Васисуарий. - Кстати, мне идея пришла в голову, шоу и ток-шоу будут вести Лев и Серж. А что, оденем их элегантно, думаю, будет хорошо.

- Авоськин, заходите, - крикнула в фойе Ираида.

В комнату ввалился здоровый мужик в костюме, брюки были заправлены почему-то в кирзовые сапоги, начищенные до блеска, если можно так начистить кирзу. Конечно, под пиджаком явно неглаженная рубашка. Телосложением мужик был похож на медведя. Большая голова с рыжими, колечками волосами, густая борода и усы, тоже мелкими колечками, крупный мясистый нос на широком веснушчатом лице, при этом большие зелёные глаза. Если бы не цвет волос и глаз, то мужик был бы похож на цыгана.

- Куды садиться? - спросил он густым басом. – А-а-а вот куды.

Он сел на стул. К нему подбежала Тоня и хлопнула перед носом хлопушкой:

- Кандидат на шоу «Разведёнка» номер один, - прокричала она.

- Ты это, девка, не балуй тут, - прогудел рыжий медведь.

- Представьтесь, пожалуйста, - сказал Васисуарий.

- А, ну это, зовут меня Фёдор Авоськин, по батюшке, значит Иваныч. Живу в Сосновке, кто не знает, километров пятнадцать от города. Хочу найти жену, хозяйку в дом, маму детишкам, у меня их двое. Мне давече Кум Федот бумажку привёз, ездил, значица он в город по делам, а там, говорит, везде эти бумажки поклеены, что, мол, жену можно найти. Ну, я в пять утра встал, детей на хозяйстве оставил, у меня корова, телят семь штук, куры, гуси, за всем пригляд нужен, понимаешь. Вот, значица, я трактор свой завёл и в город, по адресу. Мне 40 лет, жена умерла пять лет как, вот и живу бобылём, а без хозяйки-то никак, да и детей поднимать надо, учить. Я баб-то посмотрел, там, в коридоре. Так это, фифы все, а вот та, которая в маках вся, хороша. Бюст, фигура, всё при ней. Мне ведь такая нужна, чтоб пошла по селу, а мужики чтоб слюни пускали, говорили б: «Вот, Фёдора Авоськина жена пошла!». Так, правду говорят, что вы ещё и приоденете, а то я костюм у кума взял. Он у нас один на двоих, мы, если в город надо ехать, одеваем его, а так у нас у каждого свой будет, чтоб было в чём в старости в гроб положить, а то ведь кто ещё из нас первый загнётся, второго что, голого похоронят, да и денег неплохо было бы подзаработать, а то у нас на

селе с деньгами туго…

- Правду, правду, приоденем, если кастинг пройдёте, на швейке.

- А, может, что и детишкам пошить?

- Губу-то не раскатывайте, - сказал Ираида, - вы сначала кастинг пройдите.

- А кастин - это что? Лекарство?

- Идите уж, телефон у вас есть?

- Да, в сельсовете, если что, там секретарша или председатель, так вы им скажите, они передадут.

- Всё, идите, вас дети ждут.

Фёдор вышел в фойе, но домой не поехал, а стал ходить кругами, потихоньку приближаясь к плотной, ненакрашенной женщине в плохо сидящем черном платье, с огромными, аляповатыми, бесвкусными маками.

- Так, перекур, - возопил Васисуарий, - окна открываются, если нет, то идите на улицу. Гена, на тебе 200 рублей, метнись в палатку, принеси упаковку воды, что-то жарко сегодня. Да, если остальные кандидаты такие же, то шоу можно закрывать сейчас, не начиная.

- Да нет, есть там пара приличных мужичков и тёток, - сказал Ираида. - В конце концов нам нужны 1 женщина и 4 мужика, из пятерых уж четырёх выберем.

После перекура продолжлили работу:

- Светлякова, заходите, - крикнула в дверь Ираида.

В дверь влетела статная, высокая блондинка с ярким макияжем, каким-то кукольным личиком, с силиконовыми губами. На ней была короткая красная юбка и белая блузка с глубоким декольте, из которого торчали аппетитно налитые дыньки и кружева лифчика. Волосы были убраны в высокую причёску. Из юбки торчали длинные, чуть полноватые, загорелые ноги.

- Здравствуйте, здравствуйте, - защебетала она приторно-ласковым голоском.

Гоша и Гена шумно сглотнули слюну. Каждый из них в мечтах видел её голую, на кружевном белье, но не у того, ни у другого не было кружевного постельного белья, да и кровати такой не было, чтобы можно было такое бельё постелить, разве что продавленный диван или узкая тахта, а такое тело требует другого

подхода.

- Садитесь сюда, - сказал Васисуарий, которого совсем не взволновали женские прелести девушки.

Она села на стул, закинула ногу за ногу, отчего юбка задралась и стали видны кружевные трусики. Гоша сразу же сделал увеличение, и снял ноги и трусики. Потом вырежет себе на память.

Вскочила Тоня, громко хлопнула перед носом девушки хлопушкой:

- Кандидатка в шоу «Разведёнка» номер два,- и отбежала на своё место.

- Что привело вас в наш проект? - спросил режиссёр.

- Ну, если честно, то хочу найти мужа, чтобы был порядочным и обеспеченным. Я уже была замужем за турком, когда мне исполнилось 16 лет, он так красиво ухаживал, дарил цветы, возил кушать в ресторан, правда, один раз, но там так вкусно готовят, а потом сделал предложение. Сказал, что кольцо подарит, когда мы приедем в его замок в Анталии. Мама с папой были против, поэтому я убежала с ним, а там, представляете, этот мерзавец хотел продать меня в бордель. Я вырвалась, убежала, прибежала в посольство, и мне оформили развод, а через два года вернулась на Родину и вот живу в Сливске. А мне ведь уже 35, и я хочу детей, нормальную семью, мужа, с которым можно ездить отдыхать за границу…, - затараторила она.

- Понятно, представьтесь, пожалуйста, - прервал её Васисуарий.

- Ой, извините, Светлякова Светлана Николаевна.

- Хорошо, Светлана Николаевна, по результатам мы вам позвоним.

- Спасибо, - она выпорхнула за дверь.

- Ну вот, ничего себе типажик, - сказал Васисуарий, когда за ней захлопнулась дверь.

- Ага, нынешняя любовница мэра знает, что он со своей женой не разведётся никогда, решила его позлить.

- Давайте посмотрим мужчину.

- Сакин, заходите.

В дверь ввалился невысокий, плечистый пацан, в малиновом пиджаке, чёрной водолазке, с толстой золотой цепью на бычьей шее, в чёрных брюках и туфлях с такими длинными носами, что казалось у него на ногах лыжи. Коротко стриженная голова, похожая на бультерьера. Он оглядел всех маленькими глазками из складок на толстом лице. Вздёрнутый нос, еле видный из-за толстых щёк, и вывернутые губы, казалось, что он тебя укусит сразу, если скажешь что-то не так, короче пацан.

- Здорова, братва, здесь на шоу записывают?

- Да, проходите, садитесь на стул, - сказал Васисуарий, мысленно поёжившись.

- Я лучше присяду, сесть всегда успеем, - засмеялся «бультерьер» давно избитой шутке.

К нему подскочила Тоня и хлопнула хлопушкой:

- Кандидат в шоу «Разведёнка» номер два.

- Здорова, братва, - он оскалился в камеру, наверное, улыбнулся, - меня зовут Слава Сакин. Хочу сразу предупредить, что если кто, не дай бог, даже подумает, типа Ссакин или Сракин, приду и зубы выбью, вы меня знаете. Короче, типа я решил найти себе жену. А чё, хата у меня есть, 3 киоска с газетами и журналами, типа печатный магнат, я газетами не только жопу вытираю, но и читаю их перед этим, так что шуры-муры разводить умею. Там в коридоре тёлки ничего, я б конечно Светку выбрал, но куда мне с мэром тягаться, хотя у меня тачка покруче, «бэха-трёшка», с наворотами, а он всё на Хонде ездит. Хотя с его сыном и женой не потягаешься, куда моей «бэхе» против «Ягуара» и «Кайена». Но я так скажу, братва, моя тачка тоже ничего, 200 идёт по трассе свободно. Короче, пацаны, если чё там, голосование или чё, выбирайте меня. Гы-ы-ы.

- Стоп, снято, - покривился режиссёр.

- Ну, чё, типа, круто сказал?

- Нормально, идите, вам позвоним, если пройдёте.

- Э, чё значит если? Буду ждать звонка, - он громко хлопнул дверью.

- Да, с этим дурачком шутки плохи, он в ресторане на начальника полиции кинулся, за руку зубами схватил, так укол пришлось делать, чтобы разжать зубы, намертво, - прокомментировал Сакина Гоша.

Настроение у Васисуария испортилось, он посмотрел на Сержа, тот стоял и отрешённо смотрел в окно.

«Эх, приголубить бы его, - подумал он, - но нет, нельзя, вечером, дома».

Он даже вспотел от таких мыслей, взял бутылку минералки, открыл и пару раз прихлебнул из неё, передал Сержу:

- На, попей, - сказал он ласково.

- Благодарю, - ответил Серж и тоже отхлебнул из бутылки, с благодарностью посмотрев на любовника.

- Ты смотри, к этой бутылке не прикасайся, - услышал он сзади Гошин шепот, - мало ли что он этим ртом делает, заразишься ещё.

Настроение испортилось ещё больше.

- Так, давайте посмотрим ещё пару человек, остальных на завтра.

- Наливайко, заходи, - крикнула в дверь Ираида.

В комнату нетвёрдо вошла женщина, источая запах свежего перегара. На ней были свежепостиранные джинсы и белая футболка. Она была плоская, как вобла, на груди через майку топорщились соски, толстый слой штукатурки должен был скрыть фингал недельной давности на худом лице, но только подчёркивал его.

- Вы что, пьяны? - вскочил с места Васисуарий, в гневе он был страшен. - Да как вы смеете?

- Не-не, начальник, не пьяна, я пока ждала полбутылочки пивка…, - язык заплетался.

- Пошла вон отсюда.

- Э-э-э, начальник, в объяве сказано, что платите 100 рублей в час, так я 2 часа уже жду, гони двести, - голос окреп, стал противно-визгливым, - или я вам, бля, щас здесь устрою.

- На 200 рублей и пошла отсюда, - он достал из кармана мелочь и бросил к двери.

- Спасибо, начальник, а то трубы горят, - голос снова потух и охрип, она собрала мелочь и, покачиваясь, удалилась.

- Смотри, даже Наливка пришла мужа искать, не удивлюсь, если завтра Чикин пожалует, жену себе искать, - прокомментировал появление Наливайко Гоша.

- Давайте ещё пару человек отсмотрим, остальных на завтра, мне надо на швейку доехать, договориться, чтобы костюмы пошили и платья для ведущих и участников.

- Головина, - крикнула Ираида.

В дверь вошла плотненькая девушка, не толстая, но и не худая, обычная, с довольно милым курносым лицом, обрамлённым соломенными волосами. Большие голубые глаза. Красивая простой, неяркой красотой. На ней было чёрное платье с нелепо-большими красными тюльпанами, которое ужасно на ней сидело.

- Здравствуйте, - голос музыкальный, приятный.

- Присаживайтесь на стул, - сказала Ираида.

- Спасибо.

Тут вскочила Тоня и щёлкнула хлопушкой:

- Кандидатка на шоу «Разведёнка» номер три.

- Представьтесь, пожалуйста.

- Головина Татьяна Алексеевна, 35 лет, учитель географии в школе № 3.

- Вы были замужем?

- Да, я училась в педагогическом в Москве, вышла замуж за такого же студента, но потом он встретил другую женщину, я поняла и отпустила. Вернулась в Сливск, устроилась работать в школу, по специальности.

- Что вы хотите найти в нашей передаче?

- Любовь.

- Как коротко и ёмко, спасибо.

Когда она вышла, Гоша простонал:

- Вот это женщина, я бы больше ни на кого не смотрел.

- Посмотрим, что будет завтра, - ответила Ираида.

- Варфоломеич, давай последнего, устал уже бегать, - взмолился оператор.

- Чикин, заходи.

- Бля, накаркал.

В дверь вошёл интересный субъект. Высокий, худой, с длинным, хрящеватым носом на худом, морщинистом лице. Он был одет в полосатые штаны, из-под пиджака горчичного цвета были видны ворот рубашки в бело-синюю клеточку и черный гастук-бабочка в красный горошек. На голове была клетчатая, шахматная кепка. Этого гражданина знал весь город. Он работал то слесарем сантехником, то почтальоном на почте - разносил письма, то курьером в газете, то механиком в автомастерской. И везде его выгоняли за пьянку. Он уходил в запой на пару месяцев, потом брат его кодировал, устраивал на новую работу, где всё повторялось с завидным постоянством. Его часто видели в городском парке в компании Наливки и ещё пары прожигателей жизни, где они приставали к прохожим и просили деньги.

- Позвольте представиться, Илья Соломонович Чикин, единственный интеллигент в этом городе, - отрапортовался он, приподняв большим и указательным пальцем козырёк кепки, но кепку не снял.

- Очень приятно, присаживайтесь на стул, - сказал Васисуарий.

Вскочила со своего места Тоня:

- Кандидат на шоу «Разведёнка» номер три, - щёлкнула она хлопушкой.

- Позвольте, номер один и не иначе, можно я не буду снимать кепи, - слово «кепи» он произнёс с английским прононсом.

- Интеллигентные люди обычно снимают головные уборы.

- Ах, извините великодушно, - он снял кепку, и все увидели огромную плешь, обрамлённую кустиками волос серого цвета.

Он достал из кармана пластиковую расческу, подул на неё и стал расчёсывать свои «кудри» то в одну, то в другую сторону, наконец зачесал направо.

Надо сказать, что в каждом российском городе, да что говорить, почти в каждой деревне есть такие интеллигентные пьяницы. Они найдут вас в любой толпе, подойдут, вежливо попросят закурить, поинтересуются за погоду, вежливо предложат их угостить, покажут самое достойное, на их взгляд, и очень недорогое питейное заведение. Через полчаса общения вы уже будете знать о

них всё, как будто с детства дружили, расскажете всё о себе, и пока у вас есть деньги, они будут рядом, отмажут от милиции, накроют в парке своим пиджаком или курткой, когда вы заснёте пьяный на скамейке, но как только таковые закончатся, они откланяются и испарятся в поисках другого человека с деньгами.

Илья Соломонович был таким человеком в городе Сливске. Все местные алкаши неформально признавали за ним лидерство, и как только появлялись деньги и выпивка, неизменно появлялся и он, человек в полосатых брюках, горчичном пиджаке и неизменной шахматной кепке. Он прикольно острил насчёт городоуправления, рассказывал свежие анекдоты, ругал тарифы на ЖКХ и маленькие зарплаты на предприятиях, читал похабные стишки, говорил длинные, кавказские тосты, и всё это пока было что выпить, но как только всё заканчивалось, он быстро прощался и исчезал вместе со своей подругой Наливкой, по паспорту гражданкой Наливайко. Хотя нет, иногда он её забывал, и утром хозяева квартиры находили её на полу уборной в луже мочи и блевотины. Хозяева естественно били ей морду, заставляли убирать за собой и выгоняли вон до того момента, когда снова появятся деньги на выпивку.

Надо сказать, что Наташа Наливайко когда-то была очень молодой и хорошей девочкой, училась без троек. Родители - мама местный библиотекарь, а папа инженер на фабрике - были по местным меркам очень интеллигентными, пророчили ей поступление в институт. Но тут на горизонте появился местный молодой повеса Чикин, которого все местные жители, кроме как Чика и не звали. Он покорил её своими умными речами, интеллигентным видом, неизменной бабочкой и «португальским» портвейном, каковой на самом деле был 777, или в простонародье «три топора», но алкаш-интеллигент смывал после покупки этикетку и выдавал за португальский, загадочно говоря, что знакомый дипломат ящик «оттуда» передал. Мол, зовут его «туда» книгу писать, большой роман, как «Война и мир», но он пока думает, потому что патриот своей родины.

Историю Ильи Соломоновича Чикина знали в городе все. Дед его Давид Израилевич Цукерман, спасаясь от репрессий, приехал то ли из Питера, то ли из Москвы и женился на заведующей заводской столовой Ирине Климовне Чикиной, которая сразу запала на молодого статного еврейчика из столицы. Чтобы запутать ЧК, он взял фамилию жены. Благодаря связям своей молодой жены в администрации, он получение разрешение на частную торговлю и открыл возле железнодорожного вокзала будочку, где торговал шнурками, ваксой и всякой мелочью, заодно выправил справочку о плохом здоровье, поэтому в войну его и не призвали на фронт. В городе все знали, что если что-то надо дефицитное, например иголку для патефона или камеру на вилосипед, то можно спросить у

Давида Израилевича, он повздыхает-повздыхает и предложит прийти завтра, а завтра скажет, когда подойти и сколько это будет стоить. Он так и просидел всю жизнь, до 87 лет, в своей будочке, в ней и умер. Жена родила ему сына, который хоть и не считался евреем, так как мать его еврейкой не была, но назвали его Соломоном, в честь дедушки. Соломон закончил школу и поступил в ПТУ, где его научили ремонтировать обувь. Он тоже открыл своё дело - ремонтную мастерскую в Доме быта, где чинил не только обувь, но и приёмники, часы и другую аппаратуру. У него можно было подпольно купить заграничные журналы мод или фривольным содержанием, или пластинки для проигрывателей с популярными на западе исполнителями. Правда, за очень большие деньги. Он, как и отец, тоже женился на русской, вернее на хохлушке Оксане, которая приехала по распределению из Харькова на фабрику ДСП, тогда ещё фанерную, и была на 15 лет моложе. Она пришла чинить к нему босоножки, он влюбился в юную красавицу и через месяц они поженились. Давид Израилевич повздыхал и купил молодожёнам большую двухкомнатную квартиру в центре. Оксана родила сына, назвали Борисом, который полностью оправдал ожидания отца и деда, открыл в городе ещё одну мастерскую обуви, где якобы разработал вечный клей, который будет держать подошву пожизненно, и брал за свои услуги очень дорого. Надо сказать, что клей он использовал обычный и, когда люди снова приносили отклеившуюся подошву, он ругался, что носят неправильно, бегают по лужам, а новый клей этого не любит, тут же предлагал новейший клей из Европы (друг дипломат привёз из Франции) и брал ещё дороже. Илюша же был поздним ребёнком, Оксана родила его, когда ей самой уже было 40 лет. Отцовство Соломона Давидовича было под сомнением, так как соседи видели несколько раз, как из их квартиры выходил известный в городе поэт Олег Зисский, пьяница и дебошир, известный своим стихотворением на день 180-летия города:

«Ты мой Сливск, золотой, словно слива,

Будто яблок медовых налива».

Но у Соломона Давидовича сомнений не было, он записал Илью на себя и растил его, как собственного сына. Соседские мужики уважительно говорили:

- Ишь, ты, здоров ещё Соломошка, прямо бык-осеменитель, - и продолжали играть на скамейке в домино.

Илюша рос избалованным ребёнком. Баловали его все - мама, дедушка, бабушка, отец, старший брат. Он даже на улице носил костюм, белую рубашку и бабочку, когда подрос, то его отдали в музыкальную школу, по классу спкрипки, но он не преуспел, потому что был ленивым до ужаса. Всё, что он начинал делать, ему

надоедало сразу же, он всё бросал и начинал что-нибудь ещё. Ему дарили игрушки, которые через 2-3 дня валялись сломанные или разобранные под кроватью, потому что он хотел посмотреть, что там внутри, а собрать обратно было лень. Мама считала его особенным, и он оправдал её надежды, когда на её 54-летие прочитал стихотворение собственного сочинения:

«Мама-мамочка-мамуля,

Ты такая красотуля,

Ветер в парус кораблю,

Всё равно тебя люблю».

Мама расплакалась и весь вечер говорила, что сын её - гений.

Никто в тот вечер так и не заметил, как со стола пропали 2 бутылки портвейна, который в общем-то никто и не пил, но поставили для гостей. А Илья с друзьями выпили вино в подъезде, опъянели, ругались матом, пели похабные песни под гитару, пока сосед дядя Гриша не разогнал их по домам. С этого знаменательного дня жизнь Ильи Соломоновича Чикина понеслась по наклонной. Надо сказать, что точные науки ему давались плохо, а вот в гуманитарных науках он преуспел. Был весьма начитан. Когда в школу все ходили в одинаковых синих «школьных» костюмах, его мама одевала в чёрный двубортный, всегда в белую накрахмаленную рубашечку и неизменную бабочку:

- Ты должен отличаться от остальных, ты же другой, - говорила всегда она.

Это, наверное, и повлияло на всю его дальнейшую жизнь. Парень был не лишён талантов. На заре «горбачёвской перестройки» он написал стишок на злобу дня:

«Здравствуйте, дяденька Горбачёв,

Пишет вам маленький мальчик Вова,

Главное, чтобы у вас хорошо,

Ну, и у нас, чтоб не очень хуёво».

Дальше там было про колбасу, сахар и макароны по талонам, водку, которая пропала, и все пьют самогон. Короче, про бытность. Песню пару раз в «Сливе» исполнил местный бард и музыкант Заноза, даже хотел ехать с этой песней в Москву, на телевидение, потому что «перестройка-плюрализм-гласность», но ему вежливые люди в костюмах объяснили, что не надо. Но во дворах эту песню пели под гитару ещё долго, наливая самогону её автору. Потом он написал пару

рассказов, которые задумывались как романы, но из-за лени автора сокращались до нескольких страниц. Слезливый рассказ про бедную дворняжку под дождём даже напечатали в областном ежегодном альманахе и даже заплатили автору небольшой гонорар, который был тут же пропит с друзьями.

В 16 лет, посмотрев пару кассет с порнухой, которую дома сутками переписывали 2 видеомагнитофона на продажу (кассеты продавали папа и брат через ларьки, которые они открыли по всему городу, и в которых продавали алкоголь и сигареты, несмотря на запрет), он успешно опробовал новые знание на сорокапятилетней толстой продавщице тёте Клаве, которая после этого стала продавать ему так горячо любимый им портвейн. Тётя Клава молчать не умела, и он, поочерёдно, стал любовником многих женщин «бальзаковского возраста» города Сливска.

- Понимаете, - говорил он друзьям поучительным тоном, - баба после сорока ягодка, уже всё попробовала, хочет чего-то новенького, жара в постели.

- Извращенец, вон девок сколько помоложе, - говорили друзья.

- Да что они понимают, ваши девки, сунул-вынул, и ни она удовольствия не получила, ни ты. Женщины, как вино, - тут он обычно щурился как кот, обожравшийся сметаны и шёл дальше по женским, истосковавшимся рукам.

Ему везде наливали, везде были рады, каждый день превращался в пьянку. Похмеляться он не умел, поэтому неправильное похмелье привело его к затяжному запою. Брат Борис его кодировал несколько раз, но кодировка на него действовала ровно месяц, ему зашили «торпеду», но друзья алкаши вырезали её ржавыми ножницами, отчего он чуть не умер от заражения крови. После месяца в больнице он ходил героем и сравнивал себя с Высоцким, который по слухам сам себе выгрызал «торпеды», чтобы бухать дальше.

В 25 лет с ним случилось несчастье, вдруг начали вылезать роскошные русые волосы, он бросился к врачам, но те только разводили руками, стал пробовать народные средства, включая помазание головы на ночь свежим конским навозом, как посоветовал старый пройдоха-алкаш Митрич, который видел, что так делали у них в деревне. Но волосы выпадали и выпадали, а от навоза вообще стали серыми. Тогда он купил в магазине кепку в черно-белые шашечки, и стал вводить новую моду среди жителей Сливска. Моду, правда, никто не поддержал, тогда он стал считать себя эстетом, и всегда просил разрешения в компании не снимать головной убор, что ему, конечно же, разрешали.

Примерно в этот период он и встретил Наташу Наливайко - фею, нимфу. После прогулки с ним по вечернему парку она собрала вещи и переехала к нему, в

квартиру, где из мебели был только матрац , стоящий посередине комнаты на 4 кирпичах и стол на кухне. Сидеть приходилось на пластиковых ящиках, которые принесли друзья, стащив возле магазина.

- Ничего-ничего, - вещал он, - нам не нужен этот мещанский быт, мы люди простые, за хлам не держимся. Я, если хочешь знать, только свистну с балкона, и мне всё принесут - и мебель, и выпить, и покушать.

- Хорошо бы, - сказала тогда Наташа, офигевшая от скудности меблировки.

Но в дальнейшем история показала, что, сколько он с балкона ни свистел, никто не спешил принести ему стулья, кресла, шкаф для одежды, комод или хотя бы телевизор. Был, правда, старый переносной приёмник на батарейках, который они иногда слушали, чтобы не отстать от жизни.

- Мещанство, оно выламывает мне руки, поэт должен быть свободный от этого быта, как Маяковский, как Есенин, ничего не надо, - кричал он, когда они ругались.

- И пьян? Да, и пьян? - кричала она, не находя других аргументов.

- И пьян, - соглашался он, увлекая её на матрац, где они громко начинали заниматься сексом.

В тяжёлые времена, когда совсем не было денег, он отводил Наташу, которую все называли Наливкой, не иначе, на вокзальную площадь, к гостинице, где сдавал её на час приезжим командировочным. Но потом она потеряла вид, лицо опухло, руки стали дрожать, мылась она редко, пованивала, да что уж скрывать, воняла перегаром. И командировочные стали в шутку просить денег, чтобы с ней переспать, возле гостиницы уже толпилось много молоденьких девчонок, готовых заработать на приезжих.

Тогда он стал появляться на свадьбах, заходил, когда гости начинали выбегать покурить, садился за стол, говорил тост молодым, выпивал, снова наливал, выпивал, брал пару бутылок и испарялся, пока не сообразили, что ни родственники жениха, ни родственники невесты его не приглашали. Потом, правда, на свадьбах ставили «дежурного» и, когда он заходил, его вежливо просили удалиться, а когда он настаивал остаться, то выпроваживали уже невежливо.

Он снова сменил тактику: подходил на вокзале к приезжим, вежливо интересовался как дела в Конотопе или Москве, извинялся, если не угадывал город, из которого приехал незнакомец, знакомился и предлагал за стаканчиком

пива обсудить мировые и российские проблемы. Вёл в привокзальное кафе (где недорого и вкусно), заказывал выпить и закусить, знакомил с «местными», каковыми оказывались Наливка, Митрич, грузчик Серёга и Вован, они тоже угощались, заказывали ещё, когда приезжий был уже в кондиции, заказывали пару бутылок водки, которые исчезали в сумке у Наливки и дружно уходили отлить, естественно никто не возвращался, а платил за всех командировочный.

Полиция такие дела не рассматривала, так как нарушения закона не было, приезжий сам пригласил друзей выпить, его не били, не заставляли, у него ничего не крали.

- Надо думать, гражданин, с кем пьёте, - обычно говорил в таком случае капитан Сапожников, который был участковым на этом участке. Но беседу с Чикой, Наливкой и сотоварищи вечером проводил - положено.

Но и тут облом, люди стали его сторониться, денег не стало, пробовал писать роман, бросил - лениво, угощать перестали, друзья на мели. Брат денег не даёт, капиталист сраный, говорит, мол, иди, работай, зло берёт. И тут вбегает , вернее, входит, шатаясь, Наливка и протягивает распечатанный на принтере листок, а там про шоу и 25 тысяч и 100 рублей в час за съёмку. Илья собрался, сходил к соседке, попросил утюг, постирал рубашку, каковую не снимал уже месяца три, засохшим куском мыла, который нашёл под ванной, отгладил узкие брюки, откопал в вещах, лежащих в углу, черную в красный горошек бабочку и утром пошёл на кастинг. Наливка увязалась с ним, 100 рублей в час - большие деньги.

В фойе ДК, страшная худая тётка в очках дала им анкеты, куда они записали свои данные и стали ждать. Первую вызвали Наливку, которая уже с утра сходила к палатке и выпросила допить пиво у подростков, которые отдали ей полбутылки, сжалились. Он слышал, как она визгливо орала за дверями, морщился, ему было неприятно. Ему не нужны были отношения. Какая любовь? Он циник, ему нужны деньги, а для этого нужно собраться, потерпеть, включить всё своё обаяние и «золотой ключик у нас в кармане». И вот, наконец, его пригласили.

- Позвольте представиться, Илья Соломонович Чикин, единственный интеллигент в этом городе, - отрапортовался он, приподняв большим и указательным пальцем козырёк кепки, но кепку не снял.

Его заставили снять кепку - удар ниже пояса, без кепки он выглядит старым и плешивым, - но надо держать удар достойно. Причесался.

- Расскажите о себе, - сказал режиссёр, которого все небезосновательно подозревали в гействе.

Так, надо понравиться режиссёру, и он начал рассказывать о себе:

- Я писатель, родился в интеллигентной семье, сейчас пишу роман о любви, о Родине, о войне. Мои рассказы издавались в крупных альманахах, даже в столице (врать, так уж по-крупному). У меня почти нет вредных привычек, - вещал он, глядя мимо Васисуария в угол, где стояла упаковка минералки, кадык его судорожно дёргался, во рту пересохло.

- Может, вы хотите попить, - сказал режиссер и протянул ему бутылку, из которой только что пили они с Сержем.

- Премного благодарен, - он схватил бутылку и начал пить из горла, сзади прыснули Гена и Гоша.

Режиссёр встал с кресла, подошёл поближе, принюхался, перегаром не пахло.

- Ну так вот, - продолжил вещать утоливший жажду писатель, - многие мои стихи уже стали народные, но с годами я понял - мне нужна любовь, мне нужна муза, которая будет вдохновлять меня на высокое творчество. Думаю, роман, который я сейчас пишу, в будущем, может быть, даже будет удостоин Нобелевской премии, а это известность городу, краю…

Как говорится, «Остапа несло» ещё минут 15, осталось только сказать про «корабли, которые бороздят», но режиссёр его прервал:

- Спасибо, спасибо, если вы пройдёте кастинг, мы вас вызовем. На сегодня всё, я поеду на швейную фабрику, договариваться о костюмах. Серж, подгоняйте машину.

Когда они ехали на швейную фабрику, Васисуарий спросил:

- Кто тебе понравился из женщин?

- Никто, ты же знаешь, я люблю тебя.

- Да я не про это, я про шоу, кого бы ты выбрал?

- Ну, Светлана яркая, Элеонора утончённая, Татьяна слишком простая, безвкусно одета. Думаю, Светлана.

- Вот и я думаю, что Светлана.

Тут зазвонил телефон, номер не определялся, Васисуарий поморщился, нажал на кнопку:

- Алло.

- Привет, Василий Иванович, Ефремов тебя беспокоит, начальник полиции, узнал? - директор поморщился, такого панибратсва он не ожидал.

- Да, Иван Васильевич, чем обязан?

- Я тут у Александра Ефимовича сижу, он интересные вещи рассказывает, якобы шоу вы решили снимать?

- Да, будет шоу и ток-шоу, где одинокие, разведённые люди могли бы познакомиться и завести семью.

- Александр Ефимович говорит, что потом в Москву передача пойдёт?

- Ну, попытаемся продать на московские каналы.

- Я тут подумал, завтра к тебе на пробы приедет мой человек, капитан Сапожков. Нормальный мужик, сорок, разведён, надо бы ему жену найти, пусть поучаствует, чтобы в Москве знали, что у нас в городе нормальные люди в полиции служат и живут. А то у тебя наверняка уже Сакин и Чикин отметились, эти в погоне за бабками на что угодно согласятся, даже в бане с пидорасами попариться, - в трубке заржали, - так что делай что надо, но чтоб Сапожников в передаче был, жениться может и не женится, но покажет, что наша полиция самая лучшая и стоит близко к народу, заодно за порядком у вас присмотрит.

- Хорошо, пусть завтра приходит с утра.

- Да, мэр тут трубку вырывает.

- Здравствуй, Васисуарий, - в трубке опять заржали, - тут мне донесли, что Элька и Светка у тебя на пробах были, так ты их гони, не хрен им там делать. Элька баба с головой, поймёт, а Светке я хвост накручу сегодня. Да, там приз 25 рублей жидковат, в Москве подумают, что вообще обнищал Сливск, давай я лично добавлю 30 рублей, пусть за финал будет 50 кусков, а полуфинал 15, думаю, в самый раз. Да и Чикина бы выкинуть, но он сам отвалит, натура увлекающаяся, не хочется резонанса в городе.

Надо сказать, что мэр и Чика имели друг на друга большой зуб. Как-то тогда ещё второй секретарь горкома застукал малолетнего поэта на своей жене, бил сначала он, потом его шофер, чтобы проучить, чтобы неповадно было. Чикин

злобу затаил и, когда второй секретарь стал мэром, написал и пустил «в народ» стишок:

«Мы таскали, воровали,

Деньги мы считать устали.

Мы берём с тебя пример,

Наш трудяга, сливский мэр».

Намекая на то, что деньги, выделенные на ремонт больницы, роддома и детских садов, куда-то исчезли, зато компания, которой владеют дети мэра, начальника полиции и прокурора в долях, построила целый микрорайон в черте города и продавала квартиры в этих домах по баснословным, по меркам Сливска, ценам.

- Отлично, договорились, - он отключил телефон.

- Ну что там? - спросил Серж.

- Да мэр лично попросил убрать Элеонору и Светлану. Посмотрим, кто завтра придёт.

- Если правда, что они его любовницы, то лучше убрать, наговорят ещё что-нибудь не того, - согласился Серж.

- С ними лучше не связываться, сынок мэра женат на старшей дочери начальника полиции, а младшая дочь начальника полиции замужем за младшим сыном прокурора… Представляешь, какая здесь круговая порука.

- Да уж, а ещё говорят, что мы пидорасы, а сами…, - он не договорил, они въехали на территорию швейной фабрики «Сливянка». Быстро договорившись с директрисой о пошиве костюмов на всех участников шоу, ведущих, съёмочной бригады и его самого в спеццехе, где шьют на заказ для важных людей, обещав пригласить её на ток-шоу в качестве судьи, они заехали в магазин к Армену, взяли полуфабрикатов и вина. Серж обещал романтический вечер при свечах. За прилавком стоял сам Армен:

- Бери, дорогой, самые лучшие продукты тебе, мне поговорить с тобой надо, - сказал он заискивающе.

- Говори.

- Братья заходили, просили, чтобы ты у них в кафе тоже снял шоу, обещают лучший шашлык, вино, всё как ты говорил, я же о них беспокоюсь. Давай, один -

у меня, один - у Карена, один - у Сурена, один - у дяди Гагика? А если участников больше будет, тогда второй раз у меня. Скажешь, что самый лучший ресторан, - вывернулся Армен.

- Ладно, проеду потом по их кафешкам, посмотрю, чтобы самое лучшее сделали, белые скатерти, бокалы, приборы.

- Всё сделаем, дорогой.

- Ладно, договорились.

На следующий день народу сильно прибавилось. Первым пригласили капитана Сапожкова, который пришёл в парадной форме. Высокий детина, с лицом, как будто вырубленным топором, светлыми волосами, он был похож на киногероя Дольфа Лундгрена.

- Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, - сказал Васисуарий, восседая в кресле режиссёра как патриций. Судя по его довольному лицу, вечер удался.

Вскочила со своего места Тоня:

- Кандидат на шоу «Разведёнка» номер четыре, - щёлкнула она хлопушкой.

- Здравствуйте, присаживайтесь, расскажите о себе.

- Здравствуйте, дорогие телезрители, меня зовут капитан Сапожков, извиняюсь, Николай Анатольевич Сапожков. Я участковый центрального участка нашего города, 41 год, разведён, - он замолчал, был сильно напряжён и смотрел в камеру, как смертник в дуло автомата.

- Успокойтесь, расслабьтесь. Почему вы развелись?

- Нет, она нормальная девушка, дождалась из армии, поженились, думали заживём, просто она устала ждать, зарплата у нас маленькая…, была, - после небольшой заминки исправился он, - работа такая, и днём и ночью, опасная, другие вон через год службы машины покупают, а мы нет, жили с мамой, правда, Василич…, извиняюсь, Иван Василич, полковник Ефремов, мой непосредственный начальник говорит, что скоро и нам квартиры дадут, вот жду. А ещё хочу жену найти, чтобы любила и ждала с работы, детей хочу, чтобы было ради чего домой возвращаться, вот.

- Спасибо, капитан, мы с вами свяжемся.

Он вышел.

- Кто следующий?

- Гульнара, заходите, - крикнула Ираида.

Вошла худенькая, остроносая, чёрненькая таджичка.

- Садитесь.

Вскочила Тоня, громко хлопнула перед носом девушки хлопушкой:

- Кандидатка в шоу «Разведёнка» номер четыре, - и отбежала на своё место.

- Я Гульнара Ибрагимова, приехала из Таджикистана, муж там остался, я с ним развелась, пусть с детьми сидит, я работаю в кафе уборщицей и мою посуду, мне нужна прописка, русский муж и квартира, а ещё я хочу…, - затараторила она с акцентом в камеру.

- Стоп-стоп-стоп, - вскочил со стула Васисуарий и заорал. - Это что такое? Вон отсюда, идите, мойте посуду и выучите русский язык. Чёрт знает что. Следующий.

Следующим зашёл здоровенный байкер в кожаной жилетке-панцире, расшитой нашивками-цветами, поверх косухи, в зелёных штанах карго с множеством карманов, заправленных в высокие ботинки-берцы и вязаной чёрной шапочке с рисунком красного бизона, чем-то похожий на Джигурду, длинные волосы собраны в хвост, чёрные солнцезащитные очки, тёмная борода.

- Здравствуйте, садитесь, - поморщился Васисуарий, который байкеров, мягко говоря, недолюбливал. Судя по фильмам, в Европе и Америке гей-байкеры - это норма, собираются в клубах, совершают романтические приключения, а в России почему-то нет. Иногда эти ребята подъезжали к гей-клубам, ждали закрытия вечеринки, а потом метелили всех выходящих оттуда пидорасов.

Вскочила со своего места Тоня:

- Кандидат на шоу «Разведёнка» номер пять, - щёлкнула она хлопушкой.

- Представьтесь.

- Зовут меня Харви, не Харли, что было бы круто, но такая погоняла уже у другого чувака в области, у него байк новый, у меня, конечно, старенький, но настоящий «Харлей», классика. Отличная машинка, сейчас таких не делают, я сам его перебрал, работает как «Зингер», ну это машинка такая швейная, - он немного смутился. - А, так вот, зовут меня Харви, меня весь город знает, у кого

есть машины, короче, ремонтируют в моих мастерских. Я президент байк-клуба «Русские бизоны». Почему бизоны? Потому что это крутые, здоровенные быки, которых никто не мог остановить. Нас, правда, в клубе всего шесть человек, ну, это у кого байки, типа, есть, ещё три человека, типа, суппорта, ну которые в клуб хотят вступить, но у них пока байков нет. Так вот, приглашаю молодёжь вступать в наш байк-клуб «Бизоны». Это круто, чуваки!

- Зачем вы хотите участвовать в нашем шоу?

- Так это, хочу приз выиграть, стиралка мне на фиг не нужна, хочу открыть для малолеток что-то типа мастерской, чтобы картинги там всякие собирали, изучали движки, а то шляются по улицам, так хоть польза будет какая. А ещё мне «чувиха» нужна, чтоб красивая, молодые задолбали, толку от них никакого, а тут в моём баре «Русский бизон» надо, чтобы кто-то готовил, не, сейчас пока Кабан готовит, только у него не очень получается, баба нужна. Мы открыли караоке-комнату, кто хочет попеть и оторваться, приезжайте, - закончил он.

Немного о Харви. По паспорту он Харитон Николаевич Пупельский. Батя у него был простой механик в автопарке. На радостях, что родился сын, нажрался, приехал к роддому, где жена показывала ему из окна палаты, завёрнутого в пелёнку двухдневного сына. Ему показалось, что у ребёнка большие щёки и он сказал: «Вот это харя! Во, назовём Харитоном». Так его и записали, батя у него был твёрдого характера, если сказал, то слово держал всегда. Эту твёрдость он и передал сыну вместе с умением починить всё, что движется, с мотором или без. Когда отец умер на заре «девяностых», им с мамой нужны были деньги, тут и подвернулась работёнка - перебивать и перекрашивать краденые иномарки, которые через их город шли потоком на Кавказ. Скопив деньжат, открыл свою мастерскую, теперь с ним работали напрямую. Посмотрев американские фильмы про байкеров, он решил организовать свой мотоклуб. Позвал туда пацанов, которые работали у него в мастерской. Сначала покупали хлам, старые «Уралы» и «Днепры», перебирали их, красили, переделывали, из старого запорожца собрали «трайк» с тремя колёсами, который стоял перед баром «Русский бизон» и являлся украшением этого заведения, при этом был на ходу, что и демострировалось пьяным гостям. Его несколько раз пытались украсть местные деревенские пацаны, но не смогли завести. Потом он купил несколько мастерских и стал монополистом в плане ремонта автомобилей. Собрав денег, с одноклубниками купили небольшую мастерскую на Московской трассе, на выезде из города и кусок земли, где построили бар, мастерскую и гостиницу на 10 номеров. Дальнобойщики, конечно, останавливались, но еду ругали, у Кабана получался только шашлык и то под настроение. Выручала только караоке-комната, которую местные снимали, приезжая с тёлками, еду привозили с собой,

а алкоголь покупали у них. Весь город знал, что Харви купил у чеченцев пару пулемётов и пистолет. Как-то местные бандюганы решили обложить данью «этих вонючих коммерсов», но увидев направленные на них стволы пулемётов, «включили обратку», а Сакин, который их привёз, чуть не обоссался, когда Харви направил ему в лоб дуло пистолета и сказал:

- Не надо нас прогибать под себя, сегодня вы живы, потому что у меня хорошее настроение, я всегда рад гостям, а врагов встречу пулей, - красиво так сказал, как в фильме, даже потом сам собой гордился.

Даже кличку себе придумал «Харли», но авторитетный Кабан сказал, что так зовут областного президента мото-клуба «Вольные палачи», которые звали их в суппорта. Харитон расстроился, но в каком-то боевике услышал имя «Харви», и оно ему жутко понравилось. Так его и стали называть.

Потом пришли две двадцатиление девушки, «проститутки с привокзальной», охарактеризовал их Гоша, но, узнав, что по возрасту не подходят, слились. Пришёл глуховатый дедок, который ввалился в комнату, когда все курили:

- Здрасьте, туту бабок раздают?

- Каких бабок?

- Марьванна сказала, иди, мол, старый в ДК, там бабок раздают.

- Нет тут никаких бабок, - взвыл Васисуарий. Вся съёмочная группа ржала, держась за животы, Гоша даже упал на пол и сучил ногами.

- Ну, звиняйте, если бабок будете раздавать, позовите, мне бабка очень нужна,- сказал бодрый старичок и испарился.

Потом зашла бабулька, в шляпке, зелёном платье и красных туфлях. В руках она держала веер, которым обмахивалась периодически.

- Бабуль, дедов мы здесь тоже не раздаём, - съязвил Гена, все опять заржали.

- Да нет, мне дедов не надо, посмотрите мальчика, его женить надо, он очень стеснительный, поэтому я с ним пришла.

- Сколько лет мальчику? - поинтересовался режиссёр.

- Сорок два только исполнилось. Пожалуйста, посмотрите, нам денег не надо, нам жену надо, внуков хочу, - взмолилась бойкая старушка.

- Ладно, ведите мальчика, - разрешил Васисуарий.

Она втащила за руку похожего на невысокого медвежонка мужчину в сером, плохо сидящем костюме и коричневых туфлях с тупыми носами. Ярко красный гастук должен был, наверное, подчеркнуть цвет туфлей. На круглом лице с бакенбардами застыла маска ужаса.

- Ну, ма-а-а-ам, - канючил он.

- Так, садись, - сказал старушка, - всю кровь из меня выпил.

Неожиданно вскочила со своего места Тоня.

- Кандидат на шоу «Разведёнка» номер шесть, - щёлкнула она хлопушкой, парень испуганно закрылся руками.

- Не бойтесь, молодой человек, представьтесь, - мягко, по-отечески сказал режиссёр.

- Ну, говори, как я тебя учила, - сказала мать.

- Меня зовут Володя Морковин, мне 42 года, я родился и вырос в Сливске, школу закончил с золотой медалью, потом учился в Москве, в МИТХТ, тонкой химической технологии, закончил с красным дипломом, работаю лаборантом на фабрике ДСП, работа интересная, придумал новый состав клея…

- Ага, мальчик изобрёл, а главный инженер и технолог как изобретение на себя записали, -прокомментировала его мама.

- Ну, мам.

- Говори, говори, сынок.

- Я хочу нормальную жену, чтобы была семья, дети, чтобы готовила хорошо, как мама…

- Ага, найди теперь такую, - прокомментировала женщина, - и ещё, про здоровье скажи, что здоров, а то, эта сучка, Тоська Репейникова, на весь город просвистела, что это ты её молочницей заразил, шлюха вокзальная.

- Мам, не надо, не было у нас с ней ничего.

- Ага, а молочницу ты от кого тогда подхватил, от святого духа? Да я всю жизнь с твоим отцом прожила, а ты…

- Стоп, снято, - устало сказал режиссёр.

- Как снято, почему снято? Мы же почти ничего не сказали, - запричитала женщина.

- Всё, что надо сказали. А вы, извините, будете всё время с ним: и на романтическом свидании, и на ток шоу за него отвечать?

- Ну да, а то наговорит не того, он у меня стеснительный, ранимый. Вы поймите, деньги нам не нужны, у меня пенсия хорошая, нам жена нужна, порядочная женщина, которой я оставила бы сына, - она всплакнула, - он у меня такой ранимый.

- Посмотрю я, как он с Сакиным или Харви будет за руку девушки бороться, - прокомментировал Гоша, держа в руке включённую камеру.

- Это какой Сакин, Славка что ли, так не боимся мы его. Правда, Володенька? Он к моему мальчику в детстве пристал во дворе, деньги вымогал, так я его зонтиком отходила, а потом отцу его нажаловалась, он его ремнём отходил, помнит, наверное, ещё, сукин сын, - сказала она. - Товарищ режиссёр, сделайте так, чтобы он хотя бы в полуфинал прошёл, очень вас прошу, чтобы незамужние девушки посмотрели на него по телевизору, может, кто и замуж согласится.

- Посмотрим, - сказал Васисуарий, - а сейчас перерыв на обед.

После обеда в комнату, где проходил кастинг, зашёл мужчина, среднего роста, в явно на заказ, пошитом сером костюме, лаковых чёрных туфлях, на которых блеснул лучик солнца, под костюмом виднелись бледно-розовая рубашка и изумрудный галстук. Мужчина напоминал комсомольского вожака эпохи застоя, только сильно постаревшего и потолстевшего. Он вальяжно вошёл и с ходу взял быка за рога:

- Кто тут режиссёр?

- Я, - ответил Васисуарий. Его напряг даже не этот, известный всему городу партийный хлыщ, а огромный охранник, который загородил дверной проём.

- Мне бы в шоу поучаствовать, мне есть, что сказать Москве.

Надо сказать, что кандидат был партийным, депутатом городской Думы, единственным там от своей либеральной партии. Каждые выборы на участок шла вся его семья и родственники, и он каким-то чудом каждый раз избирался в гордуму. Надо сказать, что в ячейке либеральной партии города состояло ровно 15 человек: все члены семьи, включая детей от 10 лет, жена и родственники его и жены. Тесть у него был в своё время ярым коммунистом и одно время даже

сопротивлялся вступлению в партию, но, как говориться, ночная кукушка…, в общем, под давлением тёщи через неделю ему торжественно выписали партбилет. Депутат жил безбедно, денег Москва присылала исправно, только чтобы в Сливске была «многопартийность». Денег хватало и на охрану, и на поездки за границу с семьёй, которые он проводил как партийные расходы, отправляя в Москву видеоотчёты, снятые в местном ДК, куда приглашал потусить молодёжь, выставляя им после «конференции» по 2 бутылки пива на брата. При этом он всегда и везде был непримиримым противником мэра. Если что-то случалось, то он первым приезжал на место происшествия, раньше пожарных и «скорой», ругая на камеры местного телевидения и тех, и других за черепашью скорость. Любая его речь заканчивалась высказываниями о «напряжённой» обстановке в городе и всеобъемлющей коррупции, которая проросла во всех ветвях местной власти. Даже когда на пешеходном переходе сбили девушку, он начал речь с соболезнований родным и близким, а закончил тем, что во всём виноват коррупционер мэр, и что если бы мэром был он, то вообще запретил бы машинам ездить по городу, чтобы они «людей не давили». На заседаниях гордумы он был всегда «против», даже против строительства новых детских садов и ремонта школ, сообщая всем, что это нужно мэру, чтобы списать общественные деньги и поднять цены на ЖКХ. Так-то оно и происходило потом, сады не строились, школы не ремонтировались, зато жена мэра открывала новые магазины. Но сам депутат считался в городе «этаким чудаком», который, несмотря на все разногласия, не отказывался сходить с мэром, прокурором и начальником полиции в баньку, когда позовут.

- Короче, я буду участовать, скажу всю правду, а иначе как в Москве узнают, что у нас творится?

- Но у нас не политическое шоу, а развлекательное, - возразил Васисуарий.

- Ничего страшного, я от партии дам вам 15 тысяч рублей, говорю всё, что думаю, вы ставите меня в передачу и в первом туре выгоняете. Как?

- Никак. У нас в шоу не должно быть политики.

- Так, хорошо, 20 тысяч, договорились?

- Нет.

- Хорошо 30 тысяч.

- Ладно, только я ничего не обещаю, могут вырезать цензурой в Москве. И потом, вы, кажется, женаты.

- Покажите здесь, а в Москву я сам передам, а с женой я договорился, всё равно я вылечу в первом туре или даже на отборе.

- Ладно, садитесь, отбракуем вас на отборе.

Депутат сел, вскочила Антонина:

- Кандидат на шоу «Разведёнка» номер семь, - щёлкнула она хлопушкой.

- Ну, так вот, дорогие сограждане, - начал депутат, - все вы меня знаете, зовут меня Кумачёв Сергей Афанасьевич. Я председатель городской ячейки либеральной партии. Я решил участовать в этом шоу, потому что надо исправлять демографическую ситуацию в стране. Ведь если посмотреть, детей рождается меньше и меньше, алкоголизм, наркомания, грипп уносят каждый год жизни многих людей не только в нашем городе, но и во всём мире. Мэр города, наш дорогой Александр Ефимович и его семья разворовали деньги, которые были выделены городу на здравоохранение. Я об этом знаю не понаслышке, лежал в местной больнице (надо сказать, что лежал он в отдельной палате, и врач к нему приезжал из области, привозил дорогие лекарства, а историй о том, как лежат простые люди он наслушался в коридоре, когда ходил курить), нет медикаментов, даже аспирина, зарплата у врачей мизерная, никто не хочет работать за такую зарплату. Вот и умирают люди, а ведь могли бы жить, рожать детей, заниматься спортом. Кстати, из бюджета нам были выделены средства на постройку нового стадиона. Где они, спросите вы? Отвечу: на них построили новый дом младшему сыну прокурора в элитном пригороде нашего города. А если посмотреть, кто живёт в этом элитном посёлке? Так я вам отвечу, мэр с семьёй, прокурор с семьём, начальник полиции с семьёй (о том, что сам он живёт там же, забыл упоминуть), а откуда у них столько денег, чтобы строить такие дворцы? Отвечу: наворовали. Подхожу к главному, если вы меня избирёте мэром города, то я прекращу это безобразие, деньги, выделенные из бюджета на нужды города, пойдут на нужды города, больницы, стадион, детские сады, дороги, всё отстроим заново. Спасибо.

- С вас 30 тысяч, - сказал Васисуарий, - но напоминаю, я не могу вам ничего обещать, по местному пустим, в Москве могут вырезать.

Депутат достал портмоне, отсчитал шесть купюр по 5 тысяч. Вдруг у него зазвонил телефон, он достал из кармана немного старомодную золотую «Верту»:

- Да, да, Александр Ефимович, вашими молитвами, в баньку, в пятницу? Да, обязательно, жену брать? Понял, понял, буду…, - он махнул рукой охраннику и они удалились.

Васисуарий убрал деньги в бумажник, достал оттуда купюры по тысяче и раздал по одной всем членам съёмочной группы:

- Надеюсь, никому не надо объяснять, чтобы держали язык за зубами?

- Нет, - ответила за всех Ираида Варфоломеевна.

- Хорошо, тогда сворачиваемся и едем на базу, поднимайте сисадминов, будем монтировать ролики и рекламу, надо договориться с мобильными операторами и сделать платным голосование через смс, пусть хоть копейка, но наша, а невестой у нас будет Татьяна, сделаем ей хороший рейтинг, покажем в выгодном свете, остальных мэр не пропустил, - засмеялся он.

Все начали собирать и грузить аппаратуру.

Часть 2

Шоу маст гоу он

Две недели съёмочная бригада работала круглосуточно, к концу второй недели все были злые, невыспавшиеся, кричали друг на друга, но что-то стало получаться. Серж, Гоша и Гена ездили ко всем домой, снимали живые съёмки, кто, где живёт, где работает, на чём ездит. За две недели всем участникам, ведущим и членам съёмочной группы пошили костюмы. Гена, Гоша, Тоня и Варфоломеич предпочли одеться в джинсу, которую пошили, сняв с них мерки, и, которая выглядела даже круче, чем брендовая, потому что сидела идеально. Сисадмины предпочли спортивные костюмы, как у «Блэк Стар». Добину и Васисуарию - классику, одному серый с искрой, второму - небесно-голубой, тоже с искрой. Оказывается на «швейке» был спеццех, где работали старейшие закройщицы и швеи-мотористки, а возглавляла это цех дама, которая могла сама разработать модели, согласно последней моде или выкроить модели из журналов, которые постоянно привозили с показов из Италии и Франции. В этом цехе обшивалась вся местная знать, включая бизнесменов средней и мелкой руки и их жён, короче все, у кого были деньги.

Каждый день показывали ролики нового шоу.

Вот Авоськин водит съёмочную группу по двору, показывает сарай, коровник, курятник, потом ведёт всех в дом, где 12-летняя рыжая девочка и 11-летний рыжий мальчик накрыли на стол, поставили самовар, рассказывая о своей жизни. Когда камера показывает двор, то видно, как весь забор по периметру

облеплен деревенскими детьми и взрослыми, когда камеру выключают, Авоськин бежит разгонять народ, но в итоге забор по левой стороне, не выдержав тяжести тел, рухнул. С криком и матом Фёдор схватил дрын, и бросился на людей, которые разбежались, но потом вернулись снова и стали по периметру, боясь перейти заветную черту сломанного забора. Камера это сняла, но в эфир не пустили, вырезали.

Вот Карен сидит у себя в кафе и рассказывает, как тяжело без хозяйки всё содержать, а его усатая жена ходит за кадром и гремит на кухне тарелками, периодически возникая на заднем плане.

Вот Харви с друзьями сидит у себя в баре, потом показывает свою мастерскую, мотоцикл, делает на нём круг по двору. Потом фальшиво поёт Кипелова в караоке.

Вот Сакин едет в своей «бэхе», камера снимает его за рулем, он рассказывает, каких высот добился в бизнесе, объезжает свои киоски с печатной продукцией, показывает свою квартиру в «хрущёвке», с низкими потолками, с лепниной и старой совковой мебелью тёмно-коричневого цвета, которая нелепо смотрится на фоне бледно-розовых обоев.

Вот Кумачёв в штабе своей партии, на фоне партийного флага, произносит предвыборную речь о том, как плохо живётся в городе и, как заживут люди, если он станет мэром (в эфир пустили с разрешения мэра: «Друг детства и комсомольской юности, всё-таки, всё равно этого дурачка уже никто не слушает, сколько вам денег заплатил, 30 тысяч? А у меня занял 100 тысяч, опять не отдаст»).

Вот Володенька со своей словоохотливой мамой пьёт дома чай. Мама показывает его детские тетрадки, школьные грамоты, золотую медаль, красный диплом. Причём сам претендент флегматично молчит, а мама заливается соловьём.

Вот мама капитана Сапожкова, маленькая пухленькая женщина, варит на маленькой, шестиметровой кухне борщ на газовой плите. В цветастом платке и парадном новом фартуке. Она мешает половником наваристый борщ и рассказывает сидящему за столом и манерно пьющему чай Сержу:

- Коленька-то он весь в отца, суровый был мужчина, честный, его даже директор фабрики боялся, если Толя мой сказал, значит - правда. Он даже, когда Колька с ребятами в детстве на спор булку в магазине украл, взял его за ухо, отвёл в магазин, заставил при всех положить булку на место, потом взял и заплатил за неё. А вечером так Кольку ремнём отходил, что тот сидеть не мог потом 3 дня. Толя умер, когда Коленьке было 16 лет. Я работала, Коля тоже после школы

подрабатывал на лесопилке грузчиком. Потом в армию забрали после школы, немного Афган застал, вернулся, пошёл в милицию работать, сначала сержантом был. А как из района в Чечню в командировку, так его начальник отправлял, он же безотказный - я, говорит, мама, уже воевал, а они пороха не нюхали, надо же кому-то. А когда ранили его, орденом Мужества наградили. Надька его из армии дождалась, поженились, а её всё не устраивало - денег мало получает, взятки не берёт, в командировках постоянно, говорила, что ребёнка рожать не будет, потому что денег нет, а когда он в госпитале лежал в Москве, то деньги забрала и к матери умотала. Коля на машину копил, а она так. Его потом лейтенантом сделали, а сейчас он капитан.

Камера показывает единственную комнату в «хрущевке», зелёные бумажные обои, старый огромный «совдеповский» шкаф, письменный стол, диван и тахту.

- Рассказывайте, - говорит Серж, прихлёбывая из фарфоровой фамильной чашки, держа её большим и указательным пальцами, манерно оттопырив мизинец, на котором блестит тонкое колечко с фальшивым бриллиантом.

В прихожей раздаётся звонок.

- Ой, Коленька с работы пришёл, - встряхивает руками мама и бежит открывать дверь.

В квартиру, шестым дублем, вваливается капитан Сапожков, в новой форме и фуражке старого фасона:

- Привет, ма, - за дверью видна часть подъезда, заполненная людьми, которые шикают друг на друга, пытаясь соблюсти тишину.

- Привет, сыночек, заходи, обед готов, и вы пойдёмте, попробуйте домашнего борща с деревенской сметанкой, - говорит она за камеру Сержу и оператору Гоше.

- Спасибо, не откажемся,- слышится за кадром Гошин голос.

И, наконец, Чикин. В квартире брата, в его кабинете (не показывать же своё жилище, где нет даже стульев), за огромным письменным столом, неумело печатает что-то на старой пишущей машинке, наверное, новый роман, который обязательно должен получить Нобелевскую премию, вот даже первые строки, или уже не первые - «он горячо обнял её и вдохнул запах её свежевымытых волос….». На этой пишущей машинке, по словам писателя, его прадед писал антибольшевитский роман, за который его, в смысле прадеда, расстреляли вместе с семьёй, а героический дед сбежал, и всю жизнь эта машинка ждала

своего часа, пока правнук снова не сядет и не напечатает на ней свой бессмертный, в будущем, конечно, роман.

Вот Элеонора в своём ярко-красном, лаковом «Пежо», красиво высунув руку из окна с длинным мундштуком, эротично пускает в небо своими припухлыми губками колечки в виде сердечек и рассказывает, как тяжело без мужчины, денег хватает только на содержание машины и дома, хотя по макияжу и одежде не скажешь (с разрешения мэра: « Упросили, проститутки, такое вытворяют вместе, ого-го, ты сам-то как, не хочешь попробовать? Ха-ха, извини, у тебя ж там нимфет скучает, ха-ха, вы ж с бабами не можете, ха-ха, пусть поучаствуют, но, если что, вырежешь»).

Вот Татьяна ведёт урок в школе, расказывает детям про Буркина Фасо, дети тупо таращаться в камеру, но сидят, сложив руки на парты, как примерные. Им вообще пофиг на Африку, Буркина Фасо и Ганди, если он, конечно, оттуда, ну а если даже не оттуда, то всё равно пофиг.

Вот Светлана, на перламутрово-малахитовом «Паджеро» (по мнению мужского населения города «лучше сосёт, чем Элька») рассказывает, что давно уже готова родить ребёнка, но пока ещё ждёт рыцаря на белом мерседесе, желательно представительского класса.

В Сливске давно ничего не происходило, даже Филипп Киркоров приехал и узнал, что на его концерт куплено всего шесть билетов, обиделся и уехал дальше, а тут такое событие, да ещё можно поучаствовать. Директор ДК, с согласия Васисуария, решил продать билеты на съёмку ток-шоу, естественно те, которые остались после распределия участникам. Даже у Чикина и Сакина появились сразу друзья, которые готовы были за контромарочку на всё, но Чикин держался, от «граммульки» отказывался, хотя сил на это уходило много. Он специально ходил в библиотеку, но не было такого художественного произведения, где бы герой не пил пиво из запотевшей кружки или под котлетку с картошечкой не употреблял бы холодненькой водочки из запотевшего графинчика в целях улучшения аппетита, на худой конец стакан тёплого самогона, закусив салом с мясными прожилками, где-нибудь в поле, у костра. Дамы в таких книгах обязательно выпивали стаканчик вина или бутылку шампанского. Тогда он брал техническую литературу, но тупо ничего в этом не понимал. Вечером, придя домой, он застал всех спящими - Наливайко, Митрич и компания валялись вповалку там, где их застал пьяный сон. Митрич, как всегда, под столом, обняв свои зимние ботинки, в которых он ходил и зимой и летом, засыпал он всегда под столом, кладя под голову то один, то второй ботинок, в зависимости от настроения. Наливка лежала в обнимку с грузчиком Серёгой, который был к ней неравнодушен и даже предлагал выйти замуж, но Наташка

любила Чикина и этого не скрывала. Вован, вечно молодой человек двадцати семи лет, без определённого места жительства и работы соответственно, возлежал в коридоре на полу на грязном половичке, который он всегда таскал с собой в пакете (на всякий случай, не на полу же спать). В квартире стоял устойчивый запах кислого перегара, немытых тел и грязных носков. Рука сама потянулась к полбутылке мутного пойла, что друзья оставили ему, даже мысль в голову не могла прийти, что могло произойти как-то по-другому, например, не смогли допить. Но усилием воли он отдёрнул руку от бутылки. Чувство брезгливости к этим людям, к самому себе, перемешанное с жалостью, погнало его на улицу. Чувство стыда придавило к земле, плечи, всегда гордо поднятые в пьяном угаре, вдруг опустились. Чувство вины глодало душу, душа просила выпить, чтобы заглушить чувство вины, но сила воли, из последних усилий, гнала эту просьбу подальше в сад. Он боролся внутри себя, шёл, куда глаза глядят, думая о том, как низко он опустился, что Наташа могла быть студенткой вуза, может, даже столичного, а пошла за ним, а он вместе с собой тащит её в омут.

Он и не заметил, как подошёл к дому, где жил его брат. Набрал номер квартиры на домофоне и услышал спокойный голос: «Заходи».

Поднялся на пятый этаж, на площадке его встретил Борис в бархатном бородовом халате и в тапочках под цвет халата.

- Привет, брат, - промямлил Илья.

- Привет, за деньгами?

- Нет, я в завязке, в шоу участвую, может, слышал? Мне бы пожить у тебя пару недель, а то даже людей в мою помойку не пригласишь.

- Заходи, коль такое дело.

Надо сказать, что Борис Соломонович Чикин был очень богат, насколько, не знал никто. Единственная роскошь, которую он смог себе позволить - это купить пятикомнатную квартиру в новостройке. Рабочие, которые делали ремонт, потом рассказывали про очень дорогую отделку, самую навороченную бытовую технику и про кабинет со шкафами до потолка, заставленными книгами. Дед их, Давид Израилевич не только торговал всю жизнь шнурками в киоске возле вокзала, он ещё был и крупным подпольным «цеховиком», пошивая джинсы из ткани, которую ему везли из Узбекистана, и шубы из меха, который нелегально привозили из Сибири. И то, и другое было тогда в дефиците и приносило баснословные барыши. Реформы деда не коснулись, он не доверял бумажным деньгам и перед смертью передал своему сыну тридцать килограмм золота в

царских червонцах и разных изделиях. Соломон Давидович это богатство преумножил и передал старшему сыну. В «лихие девяностые» на Бориса несколько раз наезжали бандиты, с целью пощипать богатого еврейчика, но пока они грели утюг, чтобы пораспросить про деньги, неожиданно влетел ОМОН и всех повязал. Несмотря на хороших адвокатов, все получили огромные сроки, кроме Сакина, который сотрудничал со следствием и получил условно.

Старший сын Бориса Егор, который на 6 лет был младше Ильи, после окончания института остался в Москве, стал соучредителем какого-то мелкого банчика, типа Заготцветметрегионинвестсельхозметаллопрокат Банка. Неизвестно, чем занимался этот банк, но когда мэр «наехал» на Бориса по поводу бизнеса и хотел отнять все занимаемые им помещения, то позвонили из Москвы ТАКИЕ люди, что мэр прилюдно извинился, а Борис на банкете по случаю Нового года в мэрии намекнул, что если с его братом, не дай бог, что-то случится, то сами понимаете…, но если Илья нарушит закон, то никто за него не впряжётся. Но Чикин младший закон не нарушал и прицепиться к нему было не за что.

На людях своё богатство он не показывал, ездил на «Солярисе», носил обычные костюмы местной фабрики. Старший сын жил в Москве скромно, в «трёшке» на окраине, водил «Киа Рио», жена у него была симпатичная еврейка, которая хорошо умела готовить фаршмак и мацу. Младший сын Игорь пока жил с родителями, но ему уже сосватали невесту из небогатой еврейской семьи. Корни, наверное…

Пока Илья с братом сидели на огромной кухне и ужинали, вернее, кушал Илья, а Борис попивал кефир с булочкой, Игорь с женой Бориса что-то выносили из кабинета, звякая стеклом и перешептываясь.

- Поживёшь у меня в кабинете, там диванчик есть, бельё чистое жена даст, снимают пусть тоже в кабинете, по квартире пусть не ходят. Пришли, сняли, ушли.

- Борь, у тебя машинки пишущей нет в заначке для антуража, - брат занимался антиквариатом, и у него иногда попадались интересные, стильные вещи.

- Есть старый Ремингтон, привезу, сам по квартире тоже не шастай, если что-то пропадёт - пеняй на себя.

- Спасибо, брат.

- Видели бы тебя родители, - вздохнул Борис.

- Я ведь эти деньги не на пропой хочу заработать. Хочу Наташку вылечить, жениться, чтобы детей родила мне. Ремонт сделать в квартире. Работу найду хорошую. Наташка, она ведь хорошая, поверила мне тогда, со мной ушла, а я вот, докатился… - он заплакал.

Борис вздыхал, делал вид, что верит. Наливку пытались вылечить, и не раз. Родители отвозили её в наркологичку, но она, использую подчас приёмчики из арсенала ниндзя, сбегала через день-два. Родить она тоже не могла, после третьего аборта врачи поставили ей диагноз, а пьяный в зюзю Илья сказал, что это даже хорошо, «меньше денег на резинки, больше денег на разминку», то есть на выпивку.

С деньгами Илья боролся всю жизнь, он их ненавидел, уничтожал (пропивал). Он считал их злом, а людей, у которых они были, он считал ничтожными рабами этих грязных бумажек. Как-то, в конце восьмидесятых, когда меченый Генсек запретил продавать спиртное, но разрешил свободную торговлю всем, папа и дед решили привлечь Илью к работе. Нужно было 4 ящика водки, купленной на местном заводе по 10 рублей, отвезти в Москву и передать на вокзале дальнему родственнику, который должен был купить эту водку по 20 рублей, деньги нужно было вернуть отцу. Ему купили туда и обратно купе, нижнюю полку, загрузили водку, и отправили в первый бизнес-поход. Но как только поезд тронулся, Илья распечатал одну коробку, достал бутылку с целью угостить попутчиков, через три часа водку пило всё взрослое население вагона, а проводник уговорил Илью продать ему 3 коробки по 7 рублей за бутылку. Добрый Илья согласился, веселие как-то плавно перекинулось на соседние вагоны, ящик скоро кончился, и Илье пришлось покупать водку у доброго проводника уже по 30 рублей.

Утром московский родственник нашёл мертвецки пьяного Илью спящим в пустом вагоне, водки и денег при нём не было. Попытки разбудить и расспросить были тщетны. Родственник ушёл обиженный и позвонил в Сливск. Благо, что паспорт и билет никто не стырил, честными оказались друзья-собутыльники. Пришёл в себя Илья уже в «отстойнике», сердобольный проводник, хорошо заработавший в этой поездке, будить и сдавать в милицию его не стал, напоил чаем бесплатно и показал дорогу до вокзала. Душа горела, денег не было, он поменял купе на «общий». На разницу купил 3 бутылки портвейна, каковые употребил в одно лицо, стоя и сидя в тамбуре общего вагона. Через сутки его пьяного с трудом нашли и вытащили из поезда родственники, он порывался ехать во Владивосток, устроил истерику, обзывал их торгашами и мещанами. Его с трудом впихнули в «шестёрку» отца и отвезли домой. Дома долго решали, что с ним делать, наказывать или не наказывать, если наказывать, то как. Спор в этом вопросе

поставила мама, которая сказала, что сын не имеет никакого отношения к торговле, зато пишет отличные стихи. Семья оставила его в покое.

Потом Борис попросил его постоять на вокзале вечером и продать блок сигарет «Мальборо», курево было в дефиците. Илья протомился на перроне в обществе бабок, которые торговали пивом, курицей, пирожками и цветами, которые не особо были нужны проезжающим. Борис предупредил, что дешевле 25 рублей продавать нельзя, потому что брал их по 15. С первого же поезда вышел мужик, который недолго торговался с ним, скинул цену до 20 рублей, на пальцах доказав, что сигареты не американские, а потом убедил, что раз блок вскрыт, то цена должна упасть в два раза, в итоге забрав весь блок по 10 рублей. Получив за блок сигарет 100 рублей, он понёс их брату, но по дороге решил отметить «удачную» сделку и зашёл в магазин к тёте Клаве, у которой из-под полы всегда можно было купить дорогой сердцу портвейн. Брат Борис так денег не дождался, но больше ничего ему не поручал. Работал он везде до первой зарплаты, потом пропадал на неделю, и его увольняли. Дольше всего проработал курьером в газете «Сливский вестник». Там разносить было особо нечего, городок маленький, он приходил с утра, брал пару корреспонденций и… пропадал до следующего дня. После первой зарплаты пропал на неделю, через неделю пришёл, думал, что уволят, но оказалось, что про него забыли. Сердобольные тётушки сами относили корреспонденцию на почту, кому-то из них было по пути домой. Так он проработал целых четыре месяца, исправно получая хоть и мизерную, но зарплату, пока не грянули сокращения штата, и он остался не у дел, правда, с тройным окладом в кармане.

- В общем, так, - сказал Борис, - если месяц продержишься без спиртного, то шанс ещё есть, постарюсь помочь, вылечат, если нет, то сюда больше не приходи. Завтра пойдёшь в поликлинику, пусть тебя Алоизич прокапает, легче будет держаться, а сейчас иди, спи.

Утром Илья пошёл в поликлинику к Алоизичу, известному в городе наркологу, который назначил ему капельницу, а потом поехал на «швейку» на примерку костюма.

Васисуарий вторую неделю нормально не спал, днём мотался по спонсорам, вымогал деньги, которые они переводили на счёт канала. Половину он с этого счёта перебрасывал на свой анонимный счёт, обналичивал, клал в другой банк, пытался запутать следы. Ночами сидел в монтажной, отсматривал материал с Гошей и Геной. Те, кстати, договорились с известными в городе операторами, которые снимали и монтировали свадьбы, чтобы за небольшие деньги и контромарки на ток-шоу для родственников помогли в съёмках. Те согласились.

Город бурлил, с 1917 года здесь ничего интересного не происходило, да и в 1917-м особо ничего не было, в город мирно вошла Красная Армия, а Белая также мирно отступила. А тут своё шоу. Понемногу, помаленьку, но полились денежки за смс-голосование. Пик был 5000 рублей в день, при условии, что одна смс стоила 10 рублей, правда 1000 отправили за Володю и с одного и того же номера.

- Купим, купим тебе красную машину, может даже «Киа», - поговаривал вечерами за ужином Васисуарий любовнику, подсчитывая в уме деньги, которые он утаил от патрона.

- Скорей бы уж, - целовал его Серж и шёл спать, а Васисуарий ехал в монтажную работать.

В их «семье» деньги зарабатывал мужчина, хотя и непонятно было кто из них кто.

Директор ДК, тот ещё пройдоха, предложил продавать билеты на шоу по 300 рублей, деньги пополам. Каждому участнику раздали по 35 билетов, 400 контрамарок на съёмочную группу и спонсорам, зал вмещал 2000 человек, остальные билеты размели за 2 часа, причём барыги перепродавали билеты по 600 и 900 рублей, и, надо сказать, что были желающие. Васисуарий, конечно, подозревал, что за барыгами стоит директор ДК, но доказать ничего не мог, хотя сам мог бы наварить денег побольше. Надо было каждый день присутствовать и в ДК, где готовили сцену к ток-шоу, размещали рекламу, мебель так, чтобы всегда были в кадре, проверяли звук и свет, и в монтажке, где мотировали последние кадры и рекламные ролики. Рейтинг канала в городе стал зашкаливать, переключали даже любимые федеральные сериалы. По городу ходили разные толки, бабульки возле подъездов обсуждали по вечерам кандидатов и кандидаток, все сходились во мнении, что победят мент и учителка, потому что бюджетники - такая ноне политика у государства.

И вот настал этот день.

В пятницу не было вечернего эфира и рекламы, день тишины, как на выборах. Вечером Васисуарий всех отпустил отоспаться. Но в 8 утра субботы вся съёмочная бригада уже была в ДК. Дворец напоминал встревоженный улей. Операторы бегали за местным техником, который с бодуна не понимал, что от него хотят. Лев Давидович требовал в гримёрку холодную минеральную воду и хотя бы вентилятор, потому что в костюме он потел, а снять пиджак - означало нарушить все правила приличия. В этой же гримёрке был Серж, который полностью с ним был согласен, но пиджак снял, даже фривольно полностью

расстегнул модную перламутрово-зелёную рубашку, смущая метра молодым спортивным телом. Он томно вздыхал и листал затёртый до дыр журнал «Бурда моден», забытый, наверное, Аллой Пугачёвой, когда та приезжала в Сливск в начале восьмидесятых.

В 12-00 приехала на саундчек группа «Сосулька», вокалист которой, Гера Смыкин, известнейший в городе музыкант (по его слова), неделю бегал за Васисуарием, клялся в любви к ЛГБТ-движению, согласовывал целую одну песню группы «Куин» и в итоге заплатил лично режиссёру 10 тысяч рублей за право участвовать в ток-шоу. Пару раз, спев известную песню, Гера посадил голос, и послал одного из музыкантов за коньяком в качестве лекарства. Звукорежиссёр заверил Васисуария, что если что, то поставим фонограмму, пусть клоуны танцуют.

В полпервого по чёрной, сверкающей, как абсидиан на солнце, главной улице подлетел полицейский автобус. Не могу не рассказать про красоты города Сливска. Одной из достопримечательностей является главная улица с идеально положенным асфальтом. На главной улице, как полагается, Ленина, располагаются и мэрия, бывший горком партии, Дом культуры, бывший кинотеатр (теперь азербайджанский рынок), кафешки «У Карена», «У Сурена», «У Армена» и «У Гагика», сеть магазинов бытовой техники, сеть салонов красоты «Нимфа» и центральная гостиница «Сливск». Короче, местный Бродвей. Главная улица начинается на въезде в город, где стоит старый автовокзал и заканчивается на выезде, где стоит новый автовокзал. До въезда в город и после выезда дорога состоит из одних ям и колдобин. Чтобы не потерять колёса, водители разгоняются до 120 километров в час, чтобы не трястись на кочках и ямках, а пролетать над ними. Зато в черте города езда по гладкому, как стекло, асфальту доставляла удовольствие даже «запорожцам». Правда, на выезде появилось ответвление, с шлагбаумом и недремлющим охранником в будке, которое вело в посёлок с поэтическим названием «Жаворонки», прозванный в народе «долиной нищих». Улицы, параллельные главной, не имели такого красивого, ровного асфальта и таких красивых бордюрных разводов. Одна из них вообще не имела асфальта. Его сняли четыре года назад, насыпали песка, натянули шпагаты, сделали разметку, даже завезли во множестве бордюры, но потом как-то всё утихло, песок размыли дождь и непогода, верёвочки порвались, зацепившись за обувь пешеходов, которые торопились перейти или перепрыгнуть дорогу, а бордюр исчез. Правда, злые языки утверждали, что видели, как этот самый бордюр укладывали при строительстве дороги в «Жаворонки», но мэр по телевизору клялся и божился, что это совсем даже не тот бордюр, а тот бордюр украли чеченские террористы, чтобы посторить себе в горах дорогу-серпантин. Не пойман - не вор, как говорится, поэтому поговорили-

поговорили и забыли. На другой параллельной улице, прямо посередине образовалась яма. Старики говорили, что лет 20 назад её ещё можно было объехать, но с каждым годом она все больше и больше стала напоминать Пятигорский провал, вернее Аральское море, так как лужа там не высыхала никогда, только зимой, когда её сковывал лёд, машины осторожно проезжали по ней. В народе эту улицу, носящую гордую фамилию первого чекиста, называли, не иначе, как Дорогой жизни, а когда в ней застрял рейсовый автобус, то местные власти решили, что лучше отменить этот маршрут, чем засыпать яму, на ликвидацию которой в бюджете денег, как всегда, не оказалось. Конечно, бесстрашные джигиты, водители маршруток, чтобы объехать пробку пытались проскочить по улице, где не было асфальта, и даже часто у них это получалось, но бывали случаи, когда машина садилась брюхом на колею, и вытаскивать приходилось трактором. Так что жители, у которых были машины, предпочитали стоять в пробках на Ленина, чем рисковать на Дороге жизни.

По причине пробок полицейские и задержались, но быстро взяли ситуацию под контроль, перегородив сварными заграждениями въезд на территорию Дома культуры, рассредоточившись по периметру здания. На въезде стояли омоновцы в бронежилетах, касках и с короткими автоматами, рядом с ними стояли металлические щиты с прорезями. Возле входа полицейские в форме проверяли билеты вместе с билетёрами. В здании заняли места на входе в большой зал и сбоку от сцены. Несколько человек в форме ходили за сценой по коридору, где располагались гримёрки, проверяя специальные пропуска. На площадь разрешили пускать только машины съёмочной группы и участников шоу.

Первыми приехали Элеонора и Светлана. Они поставили свои машины рядом и пошли в гримёрку, каковая оказалась одна на двоих. Элеонора в длинном, вечернем, бордовом платье, идеально накрашенная с красиво уложенной причёской, с неизменным длинным мундштуком в руках плыла по коридору. Светлана в коротком жёлтом платьице, белых кроссовках походила на выпускницу школы - яркий макияж, два хвостика, она громко смеялась и задавала глупые вопросы.

Первым из мужчин пришёл капитан Сапожков с мамой. Маму он посадил в зал на самое лучшее место, а сам ушёл искать своё начальство. Мама его была в том же «парадно-выходном» платке, простеньком сером платьице. Она не знала, куда деть свои большие, узловатые руки, она всю жизнь проработала на железной дороге укладчицей шпал, а на пенсии работала уборщицей в местной поликлинике. В итоге мама скрестила руки на груди, схватив ими кончики платка, так и просидела до конца шоу.

Ираида носилась по Дворцу культуры, как электровеник. В руках у неё были блокнот и ручка, она на ходу что-то записывала, при этом разговаривала по телефону, прижав его к уху худым плечом. За ней неслась Тоня, в джинсовом сарафане, получая на ходу поручения, периодически исчезая для их выполнения.

- Здрасьте, - навстречу им шёл Чикин, сияющий, как тульский самовар, в смокинге, лаковых туфлях, с короткой причёской, которая скрывала его плешь. Он, казалось, плыл над землёй.

- Привет, Чикин. Так, его в третью гримёрку, - на ходу сказала Ираида Тоне. Та взяла его под локоть и повела за сцену в гримёрку номер три.

Там уже сидели Володя с мамой. На Володе был серый, двубортный костюм и всё те же, бесформенные, коричневые, ортопедические туфли. Он сидел в кресле и читал какую-то книгу с формулами, мама сидела рядом на табурете и с умилением смотрела на сына.

- Здрасьте, граждане, как настроение? - пропел Чика и протянул Володе руку.

- Здравствуйте, Чикин, - ответила за всех мама, а Володя пожал руку, не отрываясь от книги.

Настроение сразу пропало и у Ильи, он сел на стул, уставился на одну видимую только ему точку, и стал прокручивать в голове предстоящий сценарий.

В гримёрку несколько раз заходили операторы с камерами, чтобы снять накал страстей перед шоу. Они вставали, улыбались в камеры, делали то, что от них просили, снова садились и занимались своими делами.

Где-то около двух, на площади перед ДК ,появился чёрный «BMW» третьей модели и подъехал к странной компании. Человек тридцать стояли и сидели на корточках. Все в спортивных костюмах и кроссовках, на головах у всех кепки. Со стороны они были похожи на группу «физкультурников» или вратарей Яшиных, если им раздать по футбольному мячу. Только двое выделялись из общей массы - в малиновых пиджаках, чёрных водолазках и с толстенными золотыми цепями на бычьих шеях, они, казалось, застряли в «девяностых». Но и они, как и большинство «физкультурников», лузгали семечки, доставая их из магазинных пакетиков, выплёвывая шелуху на асфальт.

- Здорова, братва, - сказал, скалясь Сакин, выходя из машины в сшитом на заказ чёрном костюме, в неизменной водолазке с «голдой» на шее и в лакированных, «лыжных» туфлях с длинными узкими носами. Выглядел он, в общем, неплохо.

- Здорово, Сакин, чё за палевный сходняк под ментами? - сказал один из «физкультурников», который сидел на корточках, чётки в его руках крутились, как крылья ветровой мельницы в ветреную погоду.

- Да, в натуре, чё за дела? - поддержал его другой «физкультурник» в адидасовском костюме и белой кепке, показывая на омоновский кордон на въезде.

- Глохни, Пистон, - сказал Сакин обладателю плексигласовых чёток, - я, типа, в шоу участвую, хочу бабла поднять, пятьдесят косарей.

- Бабки хорошие, раньше мы такие бабки за полчаса отрабатывали, брали коммерса и гасили его, а теперь хрен заработаешь, всё под ментами, нам что с этого? - сказал один из «малиновопиджачных».

- Да, нормально всё будет, берите билеты, если что, впряжётесь за меня там, а я уж поляну накрою, с тёлками, всё как полагается, - он стал раздавать билеты, поняв, что вязать их не будут, а наоборот, на культурное мероприятие идут, они загалдели.

- Сакин, давай быстрее, - крикнула от входа в ДК выбежавшая на минутку Ираида и уже Тоне, - отведёшь его в третью гримёрку, там весь паноптикум собрался.

Через полчаса на площадь влетел грязный «Пазик», пытаясь развалиться на ходу. Из него неслись разухабистая песня и звуки гармони. Автобус остановился рядом с «физкультурниками». Из него чинно вышел невысокий, сухой дед Кузьмич в кепке и в костюме с орденами. Брюки были заправлены в начищенные до блеска сапоги. Он оглянулся и махнул рукой. Из автобуса повалили деревенские мужики в костюмах и бабы в ярких платках. Последним, играя, вывалился гармонист, его поймали на руки. Он, качаясь, широко распахивал меха и пел:

«На столе стоит стакан,

А в стакане пуговки.

К тебе едут женихи,

А ты играешь в куколки…»

- И-и-их, - подхватывали бабы и кружились вокруг него в танце.

Вдруг он остановился, перестал играть и вытянул в сторону руку. Тут же в руке оказался стакан, кто-то набулькал в него половину мутной жидкости, гармонист залпом выпил и продолжил играть вальс, бутылка и стакан волшебным образом исчезли.

- Дярёвня прикатила, - сказал один мордатый физкультурник, казалось в таком шуме никто его не услышит, но гармонист бросил играть вальс, повернулся к нему и спел:

«На столе стоит стакан,

А в стакане лилия,

Что ты смотришь на меня,

Рожа крокодилия».

- Чё ты гонишь? – попытался броситься на него мордатый «физкультурник», но его остановили свои же, связываться с пьяными деревенскими никто не хотел, чревато.

- Фёдор Авоськин, быстро в гримёрку, - крикнула Ираида, которая опять выбежала на минутку и уже Тоне, - давай его в четвёртую, с байкером и милиционером.

Фёдор раскинул руки, притопнул несколько раз каблуком сапог и пошёл в ДК, в своём чёрном двубортном костюме.

Сразу за ними въехали нестройной группой мотоциклисты. Впереди, урча моторами, ехали в ряд два «Харлей Девидсона», сверкающие никелем. Остальные ехали кто как, на разномастных байках. «Хонды», «Сузуки», «Днепры» и «Уралы», всё смешалось в одну кучу. Шестеро были в джинсовых жилетках поверх «косух» с нашивками «Красных бизонов», остальные байкеры в кожаных жилетках с нашивками «Вольные палачи», на которых был изображён палач в колпаке, почему-то с православным крестом в руке. Президент клуба «Вольные палачи» был младшим сыном губернатора области. Узнав про шоу и про то, что там участвует их собрат, они приехали в качестве поддержки. С ними было несколько красивых девчонок в кожаных штанах и «косухах».

- Харви, Харви, - закричала вездесущая Ираида, - быстро в гримёрку, сейчас будет собрание.

Все поочерёдно пожали ему руки и приобняли, пожелали удачи, он пошёл в ДК. Выставив охрану из пары рослых байкеров, которые достали бутылки с

безалкогольным пивом, демонстрируя здоровый образ жизни, на виду у деревенских молодых парней, которые уже, как коты к мышке стали потихоньку приближаться к мотоциклам, всё компания направилась следом за Харви. Мало ли что, в деревнях никто мотоциклы не регистрирует, там в этом плане анархия, ездят даже на трофейных и мопедах «Карпаты», а в «Пазике» можно даже «Урал» с коляской увезти. Деревенская молодёжь обступила байкеров, пытаясь отвлечь разговорами, остальные начали трогать мотоциклы, видя затруднения, и чтобы избежать конфликта, у байкеров в кобурах висели «травматы», несколько бойцов ОМОНа подошли поближе и стали наблюдать за действиями деревенских, те отвалили.

Последней приехала Татьяна, в синем красивом платье, подчёркивающем фигуру, с красивой пышной причёской, над которой трудились в салоне красоты «Нимфа» (за рекламу на ток-шоу и десяток билетов для сотрудниц, сеть салонов принадлежала жене небезызвестного депутата Кумачёва), с ярким макияжем и модным маникюром. В отличие от остальных участниц ей всё это сделали бесплатно, любовницы мэра в этом же салоне за своё великолепие платили деньги, с хозяйкой салона другой вариант и не обсуждался, она сразу высказала свои симпатии к учительнице, а не к «этим прошмандовкам».

Проведя небольшое совещание, Васисуарий удалился считать барыши в кабинет директора Дома культуры, дав команду начать ровно в 18-00 часов.

Зал потихоньку набивался людьми. Кроме первого ряда, где должны были сидеть ответственные люди - председатели разных обществ, какой-то известный в городе правозащитник, директор фабрики ДСП, директор «Швейки», Армен и другие спонсоры, дальше сидели приглашённые участниками шоу друзья и знакомые. Кучкой сидели деревенские из Сосновки, выдвинув вперёд авторитетного деда Кузьмича и удерживая за руки гармониста, который периодически пытался играть, а потом вообще заснул. На другом ряду, тоже кучкой, сидели «физкультурники», лузгая семечки и затравленно озираясь на соседний ряд, где сидели представители закона в форме и с жёнами. Небольшая толпа бабулек, приглашённых мамой Володи, возмущённо согнала со своих мест деревенскую молодёжь, которая вообще неизвестно как просочилась в зал без билетов. После проверки билетов молодёжь в итоге выгнали на улицу. Постоянно мелькала Наливка с неизменным пакетом и плохо заретушированным синяком под глазом. Они с Митричем курсировали со своего ряда к деревенским, и обратно. Там что-то булькало, переливалось, хотя всех на входе проверили на наличие алкоголя, но деревенские «фокусники», если надо, могли пронести мимо охраны и бочку с пивом, у них был большой опыт деревенских дискотек. В проходе теснились участники известного в городе и за его пределами народного

ансамбля «Коноплянка», все в народных костюмах и со своим гармонистом. Руководитель ансамбля бегал за Васисуарием с просьбой выпустить их на сцену «хотя бы в перерыве». На лесницах, в проходах сидели участники шахматной секции с досками под мышками, дамочки из кружка макраме и плетения из соломки, духовой оркестр, зачем-то с инструментами. Представители фотокружка, пожилые дядьки с плёночными фотоаппаратами, фотографировали всех подряд для истории, предлагая потом через неделю, когда всё проявят, выкупить у них свои фотографии.

Без пятнадцати шесть на сцену стали выносить аппаратуру группа «Сосулька». Спотыкаясь о лежащие провода, тихо матерясь, втыкали штекеры проводов в разъёмы «комбиков». Всех как-то пошатывало, публика, приняв это за волнение, стала хлопать, подбадривая музыкантов. Но музыканты, после 12 «сисек» пива по «двадвадцатьпять», были очень сосредоточены, и на овации внимания старались не обращать. Очкастый, прыщавый клавишник изогнулся над своим инструментом вопросительным знаком, пробегал длинными пальцами по накладкам, повторяя одному ему слышимую мелодию. Басист, сосредоточенно крутил колки баса, пытаясь подстроиться на слух. Гитарист подошёл к нему и, стоя спиной к публике, что-то пытался втолковать. Барабанщик беззвучно стучал по своим тугим, резиновым, электронным барабанам. Покачиваясь и не твёрдо стоя на ногах, на сцену вышел маленький, толстый Гера, в трико и майке в розово-белую полоску. Всклокоченные кучерявые чёрные волосы и хохляцкие усы на толстом лице должны были напоминать небезызвестного Фредди Меркьюри, но со стороны он напоминал пьяного клоуна-тяжелоатлета из провинциального цирка. Звукорежиссёр вынес на сцену 3 микрофона на стойках, один поставил перед клавишником, второй перед басистом, третий перед Герой. Гера хотел что-то сказать, наверное, что-то ободряющее, пожелать благ всем присутствующим, как он это делал в ресторане, но тут неожиданно грянула музыка. Клавишник забарабанил по клавишам, встряхнув засаленными паклями, и победно посмотрел в зал. Гера схватил микрофон и открыл рот в ожидании момента, когда надо вступить, но всё равно опоздал, пьяный мозг с опозданием дал команду языку петь. Те, кто сидел на первом ряду, прекрасно слышали, что пение и голос Геры сильно отличаются от первоисточника, две бутылки целительного коньяка произвели обратное действие, даже закушанные, по всем правилам, лимоном. Наверное, была виновата «сиська» пива «двадвадцатьпять», которой Гера запивал лекарство, игнорируя минеральную воду, которая стояла в гримёрке. Барабанщик тоже не успел, поэтому подстраивался по ходу фонограммы, его мозг, отравленный двумя «сиськами», запоздало реагировал на внешние раздражители. Гитарист и басист, испуганно глядя то в зал, то куда-то вбок, за кулисы, рулили свои партии. Гера топал ногой, периодически выбрасывая в зал правую руку, то ли в фашистском приветствии, то ли

изображая Владимира Ильича. Пару раз попытался крутануться на месте, поднимал стойку. Гитарист и басист стали спина к спине и что-то изображая на струнах, наверное, соло, чуть не упали на спины, но зацепились плечами, так и «доиграли» песню, боясь лишний раз пошевелиться. Гера во время соло бросил микрофон и попытался сделать кувырок через голову, который плохо удался, слова уже зазвучали, а он пытался подняться с пола. В итоге поднялся, «допел» и снова упал. Зал молчал. Гитарист и басист быстро вытащили шнуры из «комбиков», подхватили под руки своего лидера и потащили его за кулисы, как раненого солдата. За кулисами стоял Васисуарий:

- Козёл, - тихо прошипел он, - чтоб ноги твоей больше…

- Кто козёл? Я козёл? Ты, пидор штопанный, за базар ответишь? - закричал Гера в негодовании, пытаясь стоять прямо, но пиво с коньяком, известные в народе, как коктейль «Бурый медведь», клонило к полу, шептало, убаюкивало. - Да я известный рок-музыкант, да я такие песни пишу, да сам Костя Кинчев, послушав мои песни, сказал: «Гера, в России только два рок-музыканта - ты и я!» Понял? Да я вас пидорасов ненавижу, везде вы - и в телеке, и в радио, суки…

Его хриплый голос отчетливо был слышан в зале, поэтому звукорежиссёр включил песню Стаса Михайлова, а Гера сел в углу и заплакал.

Васисуарий махнул рукой на другую сторону закулисья и оттуда вышли Лев Давыдович и Серж.

Песня прервалась где-то посередине куплета, даже посередине слова.

- Здравствуйте, мои дорогие жители Сливска,- сказал Лев Давыдович, как всегда безупречно одетый в серый костюм, с неизменным шёлковым платком на шее.

- Здравствуйте, телезрители нашего канала, - по-московски растягивая гласные проблеял Серж, одетый в перламутрово-зелёную рубашку, пурпурный кургузый пиджачок, ставший модным благодаря ведущим «Камеди», голубые джинсы, протёртые и порванные по моде, и жёлто-золотые кроссовки.

- Мы начинаем ток-шоу, посвящённое новому шоу на нашем канале «Разведёнка», - продолжил Добин.

- Итак, участники, которые прошли кастинг, сегодня предстанут в этом зале, - тонкое лицо Сержа, обрамлённое недельной щетиной светилось от счастья.

Надо сказать, что на щетине, вернее на бороде, настоял Васисуарий, чтобы предать лицу Сержа мужественности. Сам Серж хотел выйти на передачу с накрашенными губами и глазами. После двадцатиминутной ссоры Васисуарий

настоял на своём. Но борода за неделю так и не отросла, а лицо покрылось щетиной, которая мужественности не прибавляла, а наоборот, умаляла. Серж стал похож на зарубежного (ную) певца (ицу) Кончиту Вюрст, особенно в своём ярком наряде и с длинными завитыми волосами.

- Двое кандидатов уже сошли с дистанции в борьбе за сердце прекрасной красавицы и призом в 50 тысяч рублей.

- Это Карен Вазильянц и Сергей Афанасьевич Кумачёв, - прокричал Серж.

- Они оба в зале и чуть попозже назовут нам причины, почему они не смогут учавствовать в шоу. Да, мой соведущий забыл ещё и про приз для финалистов, любая техника на выбор от сети магазинов «Барс+» - можно выбрать телевизор, холодильник или стиральную машину,- подхватил его Добин.

- Также нашими спонсорами являются фабрика ДСП, швейная фабрика, сеть салонов «Нимфа», сеть кафе «У Армена», «У Карена», «У Сурена» и «У дяди Гагика» семьи Вазильянц и другие , постеры которых вы видите на экране, - лыбился в камеру Серж, показывая за спину, где висели банеры спонсоров.

Сидящие в первых рядах представители спонсоров заулыбались в камеры и закивали головами.

- Ита-а-а-к, представляем вам участников нашего шоу, сейчас их шесть человек, но к концу вечера одна из участниц, за которую проголосовали зрители, выберет из них пятерых достойных, которые будут бороться за её руку и сердце, - вещал Лев Давыдович.

- Пе-е-е-ервый участник нашего шоу - Фёдор Авоськин, деревня Сосновка, в поисках жены он приехал в город, чтобы найти образованную, интеллигентную женщину, которая будет хорошей матерью его детям, - плотоядно улыбнулся в камеру Серж.

Из-за кулис вытолкнули Фёдора, который заметался по сцене, не зная, что делать. На сцене стояли шесть обычных офисных стульев, обитых чёрной тканью и три полукресла, обитых цветной. Зал, где сидели деревенские, взорвался овациями.

- Садитесь, Фёдор, на стул, - показал ему рукой на ряд стульев Добин, - а мы пока пригласим следующего участника.

- Следующий участник нашего шоу - Вячеслав Сакин, коммерсант, владелец дорогой иномарки, решил найти себе жену, чтобы была красивой и умела хорошо готовить.

«Физкультурники» в кепках перестали лузгать семечки и жиденько зааплодировали. Слава вышел и сел на стул рядом с Фёдором.

- Следующий участник не нуждается в представлении, он уже долгие годы охраняет наш покой, красавец, герой, орденоносец - капитан Сапожков. Ищет девушку, которая будет хорошей хозяйкой, женой.

- Он-то знает, как важно, чтобы был хорошо защищён его тыл, - так себе пошутил Серж.

Полицейские и их жёны громко стали аплодировать. Из-за кулис вышел Николай в парадной форме и сел рядом с Сакиным.

- Следующий участник нашего шоу, единственный, по его словам, в городе интеллигент - Илья Чикин, прошу любить и жаловать, - выкрикнул Добин.

- На наш вопрос, зачем ему жена, он метко ответил: «Я устал искать, я хочу найти». Оригинально, не правда ли? - веселился Серж.

Вышел, сверкая редко-жемчужной улыбкой, Чикин и занял своё место на стульях. Ему громко хлопали Митрич, Серёга-грузчик и другие приглашённые на этот праздник жизни лица. Наливка вскочила и бросила на сцену мятую гвоздику, которая до сцены не долетела и смачно брякнулась на великолепную причёску директора «швейки», которая сидела в первом ряду. Дама резко завертела головой, отчего красиво уложенная час назад причёска развалилась.

- Следующий участник нашей программы, председатель байкерского клуба «Красные бизоны» - Харви. Хочет найти чувиху, которая бы его любила, родила ему ребёнка и хорошо готовила, - прокричал Добин.

- Девушки, отдайте ему свои сердца, за ним вы будете, как за каменной стеной, - дополнил Серж.

Харви переоделся, теперь он был в чёрном, с искрой, костюме, белой рубашке и чёрном атласном галстуке с белыми мелкими черепами. На голове у него была всё та же вязаная шапочка с эмблемой клуба. Он поднял руку и байкеры громко зааплодировали, вскочив со своих мест.

- И последний претендент на руку и сердце наших красавиц - Владимир Морковин. Он пришёл не один, а со своей мамой, которая поможет ему выбрать правильную жену.

Широким шагом на сцену вышел Володя, за ним бежала его мама. Так как стул оставался один, то его занял сын, а мама заметалась по сцене, не зная, что

делать. Она уже направилась к полукреслам для участниц, но тут на сцену, тихо матерясь, выскочила Ираида с заляпанной краской табуреткой, подбежала и поставила её рядом с Володей, мама радостно подбежала и плюхнулась на неё рядом с сыном.

- А теперь представим наших женщин, претенденток на главный приз, коим является не подарок в сети магазинов «Барс+» и тем более не деньги, а муж, - вещал Добин.

- Это Элеонора Райх, Светлана Светлякова и Татьяна Головина, встречайте, - подхватил Серж.

Заиграла музыка, и женщины вышли на сцену. Когда они сели в полукресла, Лев Давыдович продолжил:

- Нам уже, конечно, известны результаты смс-голосования зрителей, но мы озвучим их в конце нашего шоу, а пока нам интересно, что думают сами девушки и претенденты на их сердца.

- Но начнём мы не с них, а с тех, кто сошёл с дистанции ещё на старте. Передайте микрофон Карену Вазильянцу. Карен, почему вы передумали участвовать в нашей передаче, вам не понравились участницы? - спросил Серж, когда микрофон оказался в руках у армянина.

- Да нет, участницы красивые, но я подумал и решил, что лучше моей жены никого нет, - крикнул в микрофон Карен. - Знаете, как она готовит долму, пальчики оближешь.

- Понятно. Спросим у Сергея Афанасьевича Кумачёва, который сидит здесь со своей красавицей женой, которая является владелицей сети салонов красоты «Нимфа», нашего спонсора, почему вы решили не разводиться? – обратился к депутату Добин.

- Здравствуйте, дорогие избиратели. В жизни, конечно, всякое бывает, но развод очень сильно может ударить по моей политической карьере. У каждого депутата должна быть семья, жена, дети - это показатель стабильности нашей страны. Мы с женой много пережили вместе, были и взлёты, и падения, но мы выстояли. Поэтому рушить наш брак было бы нелогично, многие мои оппоненты потом бы тыкали в лицо этим фактом. Я собираюсь баллотироваться в мэры в будущем году, мне больно смотреть, как коррупция, как ржа, разъедает наш город. Надеюсь на вашу поддержку, соответственно, победим коррупцию, заживём красиво. Да, я очень люблю свою жену, - закончил он.

В зале раздались редкие хлопки. Все прекрасно знали, что депутат на финишной прямой отдавал набранные голоса настоящему мэру на всех последних выборах, а любовь к жене объяснялась очень просто: всё имущество было записано на жену, и в случае развода он оставался ни с чем.

Дальше началось обычное ток-шоу, каждый участник рассказал вкратце, почему он решил участвовать в этом шоу. Потом были заданы вопросы людьми из зала, порой глупые и наивные, но на них пришлось отвечать. Запомнился вопрос жены депутата, который она задала Элеоноре:

- Скажите, Элеонора, у вас всё есть - квартира, машина, вы обеспеченная женщина. Почему вы ищите богатого мужчину, может, вам стоит поискать бедного, но преданного и надёжного?

- Намекаете на своего мужа? - под смех зала парировала Элеонора. - Так мне он и даром не нужен. Да, у меня всё есть и я хочу ребёнка, но не хочу, чтобы моё имущество пропил бы бедный, но «надёжный» мужчина. Я ищу успешного мужчину, которому не нужны были бы мои квартира и машина, а у которого они бы уже были.

- Я, я такой мужчина, - вскочил Сакин.

- Сидите, Сакин, - барственно махнула рукой Элеонора, - знаем мы, какой вы богатый и успешный.

Зал аплодировал.

- А давайте узнаем, кто бы кого выбрал из участников, - вдруг пришла в голову мысль Льву Давыдовичу, - проголосуем, кто из дам больше нравится мужчинам, но на результат смс-голосования это, естественно, не повлияет, но выявит симпатии сторон.

- Итак, голосуем, - подхватил Серж.

По итогам голосования выяснилось, что за Светлану проголосовал один Сакин, за Элеонору - Чикин и, под давлением мамы, Володя, остальные проголосовали за Татьяну.

Дальше женщины задавали вопросы мужчинам - Элеонора про сочетание цветов, Светлана про курорты, где она отдыхала, а Татьяна вопросы по географии.

На вопросы Элеоноры бойко отвечал Чикин и, с подсказками мамы, Володя. На вопросы Светланы про курорты, а она была 3 раза в Египте, 2 раза в Турции и один раз, по горящей путёвке, на Гоа, активнее всех отвечал Сакин, который 1

раз был в Египте. На все вопросы он ответил: « В Египте» и угадал 4 раза, чем заслужил благосклонный взгляд женщины. На вопросы по географии отвечали начитанный Чикин и, как ни странно, капитан Сапожков, который поколесил в командировках по Северному Кавказу, на пару вопросов ответил Володя. Фёдор вымученно молчал - вот если бы про трактор или про то, как надо корову доить или картоху сажать. Харви иногда попадал с ответами, он в тайне изучал карту России и хотел проехать на байке от Сливска до Владивостока. Всех удивил Володя, который встал и начал с придыханием читать свои стихи:

«Я стою, моя голова в небесах,

Я молю о простейшей любви,

Если хочешь, найду тебя так,

Если нет, то меня ты найди…»

- Слышь, ты… - Сакин замялся, пытаясь подобрать слово пообиднее.

- Кюхельбекер, - тихо подсказал Чикин.

- Во, кюхлештрекер, пошёл ты…

- В астрал, - опять тихо подсказал Илья.

- В анал, - повторил Слава и тут же получил замечание от ведущего, а мама Володи вскочила и закричала:

- Ты это Славка брось, а то не посмотрю, что Сакин, надаю по сраке, мало тебя отец лупил в детстве?

Зал просто выпал в осадок, ржали дружно все ряды.

Сакин уже хотел броситься с кулаками на женщину, но присутсвие на сцене капитана, с которым он встречался не раз в свою бытность бандитом, пыл немного охладило.

Шоу продолжалось уже 2 часа, Васисуарий махал руками из-за кулис, чтобы заканчивали, но ведущие вошли в раж.

- Так, ну а теперь мы огласим имя участницы, которая прошла в следующий тур нашего шоу по результатам смс-голосования. И это… - театрально выдержал паузу Добин, как будто вручал «Оскар», - Татьяна Головина!

Зал стал громко аплодировать, не всем понравились бывшие любовницы мэра, народ по большей части собрался простой.

- Спасибо, - сказал Татьяна.

- А теперь Татьяна выберет тех пятерых, которые продолжат бороться за её руку и сердце.

Ираида внесла на сцену 5 полуувядших роз на серой упаковочной бумаге.

Татьяна хотела что-то сказать, но дыхание спёрло, она даже не могла подумать, что обойдёт этих холёных, породистых сучек. Она схватила цветы и пошла к мужчинам. Первым розу получил Володя, потом Харви, Чикин и капитан Сапожков, перед Сакиным и Авоськиным она замерла, но в итоге последнюю розу получил Фёдор.

- Э, что за дела, ты чё, курва, розу давай, - прыгнул на неё Сакин, но был повален и аккуратно уложен мордой в пол капитаном Сапожковым, у которого и наручники нашлись, которые он быстро застегнул на завёрнутых сзади руках. Из-за кулис уже выбежали двое полицейских, которые споро подхватили тело и унесли на улицу в свой «УАЗик». Сакин впал в ступор, потому что ничего не мог сказать, только мычал и мотал головой. «Физкультурники» было замерли, решая идти выручать своего или нет. Решили не ввязываться.

- Ну вот, определились участники следующей программы, дальше их ждёт романтический вечер с избранницей в кафе «У Армена», «У Сурена», «У Карена» или «У дяди Гагика», - лучезарно улыбаясь, сказал в микрофон Серж.

- До свидания…. - начал говорить Добин. Но тут руководитель ансамбля «Коноплянка» махнул рукой, и участники ансамбля стали двигаться по рядам в сторону сцены под звуки гармони, ложек и бубнов.

Ираида, Тоня, звукорежиссёр и Гена бросились выносить со сцены стулья и микрофоны, участники ансамбля с песней «Как родная меня мать, провожала», держась за руки, с двух сторон выходили на сцену и стали водить хоровод, то соединяясь, то распадаясь на несколько хороводиков. Деревенский гармонист, почуяв свободу рук, приоткрыл глаза и начал подыгрывать городскому коллеге. На сцене молодые парни отбрасывали коленца. Деревенские затихли, и тут дед Кузьмич встал во весь рост и сказал:

- Эй, робята, а мы чем хуже, покажем городским, как деревня танцует, - и они тоже бросились на сцену, внеся сумятицу в ряды «Коноплянки». Дальше вечер превратился в батл между городским коллективом и деревенскими танцорами.

То играл один гармонист, и городские показывали свои наработки, то играл деревенский музыкант и деревенские топали и размахивали платками, пели частушки, сельские парни исполняли что-то народное, сродни нижнему брейку, городские не отставали.

Васисуарий бегал за кулисами и потирал руки:

- Великолепно, великолепно, - кричал он, - снимайте, это же отдельная передача, фурор.

Когда и деревенские, и городские танцевать устали, вдруг встал духовой оркестр и начал играть «Варшавянку», полицейские стали выдавливать зрителей на улицу.

Неделю Васисуарий носился по городу, ночами сидел в монтажной. Отдельно вынесли смс-голосование за батл «Коноплянка-Сосновка», программу показали в пятницу вечером, а через неделю объявили результаты, с небольшим перевесом победила «Коноплянка». Даже странно, ведь в Сосновке даже не знали, что идёт голосование, да и на всю деревню было восемь сотовых телефонов. Неожиданно подключилось областное телевидение, просили разрешение на трансляцию шоу и батла, после того как запрошенная сумма была переведена, шоу в ускоренном варианте было показано по областному телевидению. Из многих деревень звонили председатели бывших колхозов и главы поселений, деревень и посёлков с просьбой поставить на следующее ток-шоу их народный коллектив - мол, мы не хуже Сосновских спляшем и частушки у нас позабористее. Губернатор даже утвердил премию в 150 тысяч лучшему народному коллективу области. В сёлах, деревнях и посёлках по вечерам в местных клубах играли гармошки, а народ водил хороводы и выдумывал коленца, чтобы быть круче всех и попасть на следующее ток-шоу. Деньги потекли рекой в карман Васисуария. Он переводил со счёта на счёт, обналичивал, в табелях увеличивал выплаты сотрудникам, которые подписывали, не глядя. Они с Сержем уже ездили в область, в большой салон, присматривались к иномаркам.

Решили, что первое романтическое свидание надо провести «У Армена». Жребий пал на Фёдора, съёмки решили провести утром, когда посетителей не было. Фёдор приехал на тракторе, лихо подогнал его к кафе. Молодцевато спрыгнул с подножки, в костюме и в тех же сапогах. Татьяна уже была в кафе (взяла неделю отпуска на время съёмок). Фёдор достал из трактора букет полевых цветов и пакет. Специально для съёмок был накрыт стол, белая накрахмаленная скатерть, тарелки, вилки, ложки, ножи. Горели свечи, стояли салаты, закуски, бутылка вина в соломенной оплётке с итальянской этикеткой. Эта бутылка была

гордостью заведения, бутылку Армен привёз из Москвы, когда ездил туда к родственнику. Итальянское вино ему, если честно, не понравилось, а вот бутылка… Вино он туда наливал домашнее, пробка была резиновая, в такой бутылке он подавал только самым дорогим гостям, дорогим не в смысле гостеприимства, а в смысле, у кого были деньги. Вот и сегодня не поскупился. Фёдор замер на пороге заведения. Он привык к простым вещам, а эти скатерти, салфетки сбивали с толку. Он подошёл к Тане, галантно протянул букетик, даже покраснел, хотя из-за веснушек это было не заметно.

- Вот, цветы, на лугу у нас растут, красивые, - Фёдор смутился. - Скоро нальётся трава, будем косить, чтобы скотине на зиму запасти.

- Спасибо, красота-то какая, они красивее даже, чем покупные.

Они сели за стол, Татьяна взяла солфетку, развернула и положила на колени. Фёдор повторил её движение.

- Поухаживайте за дамой.

- А, да, а что надо делать, просто у нас в деревне хозяйка ухаживает за мужем, а не наоборот.

- Положите мне салата и налейте вина.

- Я не пью, вообще, - сказал Фёдор. - А ты что, пьющая?

- Чуть-чуть, на праздник, ведь сегодня праздник, не правда ли?

- Э, девка, сегодня праздник, завтра праздник... А как ты с запахом к корове подойдёшь доить? Она этого не любит, тут твёрдая рука нужна.

За столом наметилось напряжение.

- Ну, хорошо, тогда налейте мне воды, - разрядила обстановку Татьяна.

- Эт с удовольствием, - твёрдой рукой он скрутил пробку на бутылке минералки. - Я вот что хотел предложить, ты это, хвостом не крути, сейчас едем в ЗАГС, регистрируемся и в Сосновку. Ты хозяйство принимаешь, рожаешь мне детей и живём счастливо.

- Так я в деревне никогда не жила, корову доить не умею.

- Научишься. Матрёна, жена моя покойная, тоже не умела, научилась, скучаю я по ней, умерла молодой, в речке утопла, - в зелёных глазах Фёдора блеснула слеза.

Уже пять лет, как он был вдовец, тело жены так и не нашли, только одежда на берегу осталась. Приезжал участковый, оформили, как несчастный случай, закопали пустой гроб. Фёдор, конечно, тосковал по женской ласке, но большое хозяйство и дети скучать не давали.

- Сочувствую, но мы практически не знакомы.

- Так переезжай ко мне, там и познакомимся.

- Я пока не готова, - сказала Татьяна.

Повисла пауза, принесли шашлык, жена Армена, одетая по случаю в белый передник, поставила на стол большое блюдо с мясом. Фёдор дёрнул носом:

- Мясо-то не свежее, дней пять, как забили, - сказал он, не притронувшись к еде.

- Как не свежее, как не свежее? - закричал Армен, выскакивая из кухни. - Мне всегда свежее привозят.

- Не свежее, - стоял на своём Фёдор, - я телят развожу, давай по осени я тебе привезу свежего забоя, сделаешь шашлык и посмотрим.

- Если хорошее мясо привезёшь, буду у тебя покупать, - закричал Армен. - А сейчас не позорь меня перед телезрителями.

- Ладно, поеду я, а ты подумай и выходи за меня замуж, - он встал и направился к двери, но тут остановился и вернулся. - Вот, мёд со своей пасеки и сало солёное, свежее, а то, говорят, голодно вы в городе живёте, а деревня всегда прокормит.

Сквозь большие окна кафе было видно, как он молодцевато запрыгнул в трактор, тот с грохотом завёлся и рванул из города.

Васисуарий и Серж сели за стол к Татьяне, остальные члены съёмочной группы пошли в угол, где был накрыт стол попроще, с одноразовой посудой.

Следующими на романтическое свидание пришли Володя и его мама. Свидание проходило в кафе «У Карена». На столе всё та же накрахмаленная скатерть, та же бутылка в соломенной оплётке.

- Здравствуйте, Татьяна, - сказал мама Володи после того, как все сели за стол и Володя налил маме и Тане вина, - я вам хочу рассказать про моего Володеньку, он очень умный и ранимый мальчик. Если вы не хотите его выбирать, то скажите прямо.

- Здравствуйте, я ещё не сделала свой выбор, слишком много кавалеров, - ответила Татьяна.

- Вы мне, честно говоря, не очень симпатичны, простая какая-то. Володеньке нужна утончённая девушка, с внутренним миром, которая бы понимала сына, как я. Он очень тонкая натура, с богатым внутренним миром, ему бы подошла Элеонора.

- Тогда почему вы не пойдёте к Элеоноре?

- Ну, я всё-таки думала, что вы заинтересуетесь Володей, я бы смирилась.

- После таких слов, вряд ли, - сказала Татьяна.

Володя сидел молча и уплетал за обе щёки салат, даже не прислушиваясь к разговору. Татьяна пригубила вино из бокала, мама выпила бокал до дна, встала и налила себе полный, села.

- Не знаю, что в вас нашли телезрители, - сказал мама и снова выпила до дна бокал.

- Наверное, внутреннюю красоту, раз внешней не блещу, - съязвила в ответ Татьяна.

- Зря вы скалитесь, милочка, вы теряете очень выгодную партию. Пошли Володя к Элеоноре.

Володя с сожалением посмотрел на стол, где оставалось ещё много салатов, на длинном блюде лежали шампуры с шашлыком, вздохнул и поплёлся за мамой.

На следующее утро, в кафе «У Сурена» пришёл Чикин. В смокинге с бабочкой, он протянул букет, который нарвал на клумбе возле мэрии, галантно поцеловал руку, подвинул стул. Налил вина из всё той же бутылки в соломенной оплётке (братья, чтобы не ударить в грязь лицом передавали её из заведения в заведение). Себе плеснул минералки, положил ей по чуть-чуть всех салатов на тарелку, себе положил овощной. Салфетку положил не на колено, а заправил за воротник.

- Ну-с, преступим, - галантно улыбнулся он, приподнимая свой бокал.

Они чокнулись, она пригубила вина, он выпил весь бокал воды, потом начал лихорадочно есть, искоса посматривая на бокал Татьяны.

- Дорогая моя, милая Татьяна, - сказал он, - с тех пор, как я увидел вас на шоу, потерял покой. Поймите меня правильно, я одинок, пока беден, но я работаю над

этим вопросом. Можно поцеловать вашу ручку?

Он привстал и поцеловал её руку через стол. Потом опять налил себе воды в винный бокал и залпом выпил.

- Как же вы работаете? - спросила Татьяна.

- Я пишу книгу, это роман, где много разбитых сердец, война, горе, но будет счастливый конец. Я хожу в нашу библиотеку, поднимаю архивы.

- А какая война и где будут происходить события?

- В нашем городе, в нашем районе, фашистские танки не прорвутся, а остановят их молодые люди, комсомольцы и пионеры, которые будут любить друг друга… - Илью опять понесло, он и не заметил, как налил себе вина, чокнулся и выпил.

- Но у нас не было войны в районе.

Но Илья молчал, она подняла глаза от тарелки и увидела его плотоядную улыбку, но смотрел он не на неё, а на бутылку вина. Вдруг схватил её, налил полный бокал и жадно выпил, потом стал пить уже из горла.

- Официант, гарсон, кто там, принесите вина и водки, быстро.

Никто не успел вмешаться, на столе появились бутылка магазинного дешевого вина и графин водки. Чикин налил полный бокал водки, выпил залпом и запил из горла вином.

- Хорошо, - вдруг закричал он, - что вы здесь все собрались, жалкие прожигатели жизни. Ты думаешь, ты мне нужна? Нет, мне нужны деньги, чтобы вылечить тяжелобольного, любимого человека. Я Наташку люблю, а вы…

Что «а вы» никто не понял, потому что Чикин схватил графин, вылил остатки водки в бокал и жадно выпил, запив вином, потом схватил руками кусок шашлыка, кинул в рот и стал жевать, одновременно пытаясь что-то мычать.

- Я вообще думал, что это передача про то, как правильно разводить спирт. Р-а-з-в-е-д-ё-н-к-а, - по буквам произнёс он, - тоже мне, женихи - один мент, второй байкер, третий бывший бандит, сучёнок этот с мамой, а я хочу понимания. Водки мне! - но никто водки больше не принёс. - И вино у вас здесь говно и шашлык пережарили.

Он вскочил, уронив стул, схватил недопитую бутылку вина и пошёл, шатаясь, к накрытому для съёмочной бригады столику. Там стояло несколько бутылок сухого вина и бутылка водки.

- Наташка, заходи, - в кафе вскочила Наливка с неизменным пакетом в руке, подбежала к столу, бросила в пакет спиртное, схватила шампуры с шашлыком и выскочила на улицу.

- Мещане, мещане, надо жить красиво, абстро...бстро…гир-р-роваться от денег, красота спасёт мир, - и он вывалился из заведения, пока никто не пришел в себя.

- Вот это кадр, - уважительно в спину ему сказал Гоша, - не сдержался.

- А он мне уже начинал нравиться, - сказал задумчиво Васисуарий.

С кухни выскочил Сурен:

- Зачем оскорбил, нажрался и оскорбил, вино украл, шашлык украл.

- Ладно, не кипятись, куплю тебе новые шампуры, - сказал Васисуарий.

То ли дядя Гагик проболтался, то ли народ прочухал, что съёмки передачи ведутся в кафе утром, но капитану Сапожкову пришлось пробираться через небольшую толпу людей, которых в кафе не пускали, но они облепили все окна. Настроение немного испортилось. С работы его отпустили пораньше, отчёт остался писать его напарник, женатый капитан Сидоров. Обычно он всегда уходил раньше, но тут, прошептав в спину: «Куда нам до звёзд, мы люди простые», вынужденно остался. Цветы в такую рань не продавали, выручили ребята из транспортной полиции, они конфисковали партию роз, которые везли какие-то дагестанцы, и охотно поделились конфискатом. Идя по городу с огромным букетом белых роз, он представлял, как будет себя вести, какие слова будет говорить, одновременно ставя Таню на место будущей супруги… И не мог её представить в качестве таковой. Пазл, который должен был сложиться, почему-то не складывался. Проталкиваясь через толпу, он порастерял слова, даже хотел уже не идти, но вспомнил слова своего непосредственного начальника: « Ты, Коля, единственный у нас не женат, да и возраст подходящий, покажи Москве, что у нас полицейские - нормальные люди, никто ж тебя жениться не заставляет». Татьяна ему нравилась - простая, красивая, особенно в том платье и с такой причёской, как на ток-шоу. «Может, получится, может, это судьба, не зря же говорили старики, что стерпится-слюбится», - с такими мыслями он вошёл в кафе.

- Здравствуйте, Татьяна, - сказал он женщине, которая шла ему навстречу, - вы сегодня как-то особенно красивы.

- Спасибо, Николай, какой красивый букет.

- Так, раздобыл по случаю нашей вечеринки, - он улыбнулся, на самом деле было раннее утро.

Николай помог девушке сесть, пододвинул стул, сел напротив.

- Налейте мне, пожалуйста, воды, - попросила Татьяна.

- С удовольствием, а может вина?

- А вы сами?

- Нет, я вообще не пью, врачи запретили после ранения.

- А вы были ранены?

- Да, но об этом сейчас непринято говорить, давал подписку.

- Понятно, а эта медаль за что?

- Это не медаль, это Орден Мужества, - с гордостью сказал он.

- Извините, совсем не разбираюсь в наградах.

- Зато вы, наверное, хорошо разбираетесь в странах, раз выбрали такой предмет, как география.

- По секрету вам скажу, я его не выбирала, просто конкурс в институте был маленький на этот факультет, все рвались на иняз или математику.

- Понятно, а я закончил училище по специальности фрезеровщик, только потом в армию ушёл, а вернулся, кризис, работу было не найти, пошёл в милицию.

- Интересная у вас биография. А почему вы с женой разошлись?

- Она ушла сама, устала ждать, сейчас замужем, родила ребёнка, иногда звонит, когда новый муж буянит, я же участковый здесь.

- И вы ищете женщину, которая смогла бы её заменить?

- Нет, я ищу женщину, которую бы любил, которая родила бы мне ребёнка, к которой бы мне хотелось приходить с работы домой. Оказывается, это большое человеческое счастье, когда есть куда прийти, где тебя ждут, где накормят, где тебя любят. После тридцати пяти начинаешь понимать и ценить такие вещи.

- Почему же вы не нашли до сих пор такую женщину?

- Так может быть, это вы?

- Не знаю, может быть и я, а может вас ещё кто-то ждёт за поворотом? Жизнь - непредсказуемая штука.

- Посмотрим, - философски ответил Николай.

- А правда, что в полиции сейчас коррупция, взятки берут, крышуют бизнес? У меня бывший муж открыл магазин в Москве, но пришли полицейские, обложили его данью, он отказался, начались проверки, не давали нормально работать, разорился, пьёт теперь.

- Не знаю. Есть, конечно, и такие полицейские, в семье не без урода, но их мало, поверьте, я к таким не отношусь.

- Я вижу, что вы честный человек, а второе ранение вы где получили?

- Здесь уже, в городе. Брали банду в пригороде, бой завязался, отморозки, начали стрелять, я начальника своего прикрыл, вот и ранило.

- Мне мама расказывала, это рядом было на Жукова, а мы на Семиспасской живём, я тогда в Москве была, в институте.

Они ещё поговорили, попили кофе с вкусными пирожными, шашлык для завтрака был как-то уж слишком, но он присутствовал на столе, вместе с неизменной бутылкой домашнего вина в соломенной оплётке.

Васисуарий метался по кабинету, как лев:

- Где чувства, где действия, что за унылое говно? Вот Чикин отмочил, есть что показать, нам на ток-шоу нужен надрыв, поворот неожиданный, поговорите с Харви, пусть ведёт себя понапористей, - кричал он Ираиде.

- Хорошо, Васисуарий Апполонович, - сказала она и убежала звонить.

Местный тотализатор поставил ставки на то, кто в финале получит 50 тысяч, причём ставили на Сапожкова. Васисуарий втихаря, через Сержа, поставил на Харви, этот парень должен был раскрыться. Денежки текли уже не ручейками, а реками, больше миллиона у него лежало дома, в старом фибровом чемоданчике на балконе - если что, с такими деньгами можно было уехать в Москву и жить какое-то время.

Харви приехал на белом лимузине. Владелец машины был одет в парадный костюм и чёрную фуражку, он открыл дверь и выпустил Харви, в костюме, но неизменной шапочке. В руках он нёс живую орхидею в горшке. Естественно, его появление сняли на камеру, с лимузином договорился недорого, ведь тот иногда

ремонировался у них в мастерской.

- Вот, ничего более экзотического не нашёл, только кактусы, - пошутил он.

- Спасибо, это необычный подарок, орхидеи очень плохо переносят наш климат, им у нас холодно, но я буду за ними ухаживать, - сказала Татьяна.

Всё происходило в кафе «У Армена». Большая толпа плющила лица о стекло, чтобы посмотреть, что там происходит.

- Ты сегодня великолепно выглядишь, впрочем, как и всегда. Я тогда на ток-шоу обалдел от твоей красоты, ты мне сразу понравилась, - начал он с места в карьер. - Ты знаешь, я никогда не был женат, думал, успею. Пришлось жить не в самое простое время, вернее выживать. Отец у меня не был олигархом, мама болела. Чтобы прокормить семью, я пахал по 18 часов в сутки, всё, что у меня есть, я заработал своими руками, и теперь мне хватит, чтобы прожить нормально и прокормить семью.

- Спасибо за комплимент, а чем ты занимаешься?

- У меня автомастерские, заправка, гостиница и бар, деньги есть и есть, что передать сыну или дочери, а лучше, чтобы и сыну и дочери.

- Прямо так?

- Да, хочу не меньше двоих, а лучше троих. Я люблю детей, хочу построить маленький автодром для картинга с мастерской, где бы они могли приходить и сами собирать своими руками машины. Ведь это лучше, чем слоняться по улице и слушать блатные сказки.

- Согласна, им сейчас ничего не интересно, кроме денег. Такое впечатление, что в жизни важны только деньги и как ты их заработаешь, а ведь честно много не заработаешь.

- Вот, ты меня понимаешь. А давай вечером поедем покатаемся, я тебе покажу место, где обычно бываю, когда мне хочется побыть одному, там красиво, только оденься потеплее.

- Хорошо, во сколько заедешь?

- Давай в восемь, туда лучше засветло приехать.

Вечером они неслись по шоссе за город, рядом летела «Лада-Калина», из окна которой, высунувшись по пояс, на камеру снимал Гоша. Потом свернули на просёлок, машине стало ехать тяжелее, но к лесному озеру подъехать не

смогли, там дорога была только для мотоцикла и велосипедов. Когда запыхавшаяся съёмочная группа подошла к озеру, смеркалось. На поваленном бревне сидели Харви и Татьяна, перед ними горел костёр. Поснимав в темноте романтические кадры и немного разговор, они собрались и уехали. Харви и Татьяна остались сидеть у костра.

- Уехали наконец, а то и не побыть наедине, - сказала Татьяна.

- Да, тебе здесь нравится?

- Очень, озеро такое красивое, а ночью, как будто в нём звёзды купаются, - она прижалась к нему, - давно так вот на природу не выезжала, очень романтично.

- Я иногда бываю здесь, отец был рыбак, часто в детстве мы сюда приезжали, правда, машины не было своей, приходилось вставать рано и идти далеко от остановки, от трассы. Мы с ребятами иногда собираем здесь мусор, а то отдыхающие не могут за собой убирать, - пошутил он.

- А мы, пока папа был жив, каждое лето ездили к бабушке, там тоже хорошо было, а потом бабушка умерла, следом папа… Дом, наверное, уже развалился.

- Если хочешь, съездим в твою деревню.

- Это далеко, в соседней области.

- Ничего страшного, у меня хороший байк, если что переночуем в гостинице.

- Это ты так делаешь предложение?

- Да, хочу, чтобы ты стала моей женой, - он притянул её к себе и поцеловал, она не отстранилась.

- Сбрей бороду.

- Не могу, тогда я буду похож на юнца, а как же авторитет?

- Сбрей, тогда выйду за тебя замуж, - сказала она в шутку.

Они ещё долго сидели и разговаривали на разные темы, строили планы на будущее.

В субботней передаче показали все романтические свидания и объявили, что Татьяна выбрала двух финалистов. На следующую субботу назначили ток-шоу со всеми участниками, где претендентка выберет одного мужчину, но пригласили всех участников.

Николай вечером обходил участок. У него был выходной, но по привычке он прогуливался по дворам в целях профилактики правонарушений. Шёл дождь, вернее, ливень, народ разошёлся по домам, вдруг он услышал всхлип в беседке на детской площадке. Двор не освещался, было темно.

- Кто здесь? - спросил он.

В ответ кто-то всхлипнул. Он подошёл осторожно и достал светодиодный фонарик, который носил вместо брелка на ключах.

- Кто здесь? - повторил он и включил фонарик.

На лавочке сидела девушка в красном платье, закинув ногу за ногу, она сжимала руками босую ступню, рядом лежала туфля со сломанным каблуком.

- Я домой бежала, дождь начинался, каблук сломался и ногу подвернула, телефон сел, позвонить не могу, даже такси вызвать.

- А что вы здесь делаете?

- Я в гостях была у подруги, приехала недавно, решили встретиться. Я раньше сюда к бабушке приезжала, а теперь бабушка умерла, я в её квартире живу, - она подёрнула плечами, замёрзла.

- Я помогу. Далеко до дома, где вы сейчас живёте?

- Зареченская, 7, три дома оставалось пройти.

Он зашёл в беседку, снял куртку и накинул на плечи девушки, поднял и дал ей в руки туфлю со сломанным каблуком, взял её на руки.

- Не надо, - сказала она, но повозившись на руках обняла за шею.

- Вы зонтик держите над нами, а я доскачу, как рысак, - пошутил он.

В доме на Зареченской, 7 лифта не было, а девушка жила на последнем, пятом этаже.

- Спасибо вам, зайдите, пожалуйста, должна же я угостить своего спасителя чаем.

- Спасибо, не надо.

- Надо-надо, а то как же я буду по квартире перемещаться?

Он посадил её на диван:

- Можно я посмотрю?

- Смотрите.

Ступня начала распухать и посинела. Он нежно погладил её, потом сильно сдавил и дёрнул.

- Ой, больно, - сказал она.

- Ничего страшного, скоро пройдёт. У вас есть эластичный бинт? Надо перетянуть.

- А вы что, врач?

- Нет, я полицейский, просто нас в армии учили оказывать первую помощь, а уж на вывихи я насмотрелся.

- Ой, а как вас зовут, мой спаситель?

- Николай.

- А меня Ирина..., ой, просто Ира. Пойдёмте я вас чаем напою, а то вы, наверное, замёрзли, пока меня несли. Я замёрзла очень, пока сидела. Думала, вот же дура, попёрлась к Вальке в первый же вечер, ни зонтик не взяла, ни плащ, - затараторила она.

Он при свете рассмотрел её. Красивая блондинка с точёной фигуркой, пышные волосы, неброский макияж, она с такой непосредственностью прохромала на кухню, что он заулыбался.

Потом они пили чай.

- Я не привыкла на высоких каблуках ходить, а тут ещё и побежала, не хотела промокнуть, вдруг каблук сломался, ногу больно так, я еле-еле доковыляла до беседки, встать не могу и телефон этот, блин, разрядился, а вокруг никого. Кричать сил нет, нога болит и тут вы...

- А давайте на ты?

- Давай, на брудершафт, чаем.

Они выпили на брудершафт чай и поцеловались. Странно, ему не хотелось отрываться от её губ, тёплых и мягких, он прижал её к себе, она закрыла глаза, и поцелуй продлился, казалось, вечность.

- Отпусти, - прошептала она, и он выпустил её из объятий, она стала заваливаться, и он поймал её в объятия снова.

Потом взял на руки и отнёс в спальню, положил на кровать.

- Не уходи, останься, - сказала она ,- мне страшно, я только сегодня приехала, тут раньше моя бабушка жила, но она умерла четыре года назад.

- Откуда ты приехала? - спросил он, ложась с ней рядом, она положила голову ему на плечо.

- Из Москвы, рассталась со своим молодым человеком, мы так и не поженились. Ему захотелось карьеры, а меня перевели в тьмутаракань, как он выразился. Поганый оказался человечишка, мелкий. А тут ты.

- Что я?

- Такой здоровый, красивый, сильный. Ты мне сразу понравился.

- Ты мне тоже. А ты кем работаешь?

- Не поверишь, теперь капитан полиции.

- Да ладно.

- Была майором в отделе по борьбе с экономическими преступлениями. Узнала, что коллеги берут взятки, доложила по форме начальству, а те дело замяли, я доложила выше, там тоже замяли, вышла на президента, предоставила факты, долго разбирались, козлов этих уволили. Представляешь, даже не посадили. А меня начальство под пресс: честь мундира, то да сё... Короче, разжаловали в капитаны и сюда, на переферию. Так мой гражданский муж, он тоже в органах, намекал, что надо остановиться, мол, деньги хорошие предлагают, грех отказываться, а потом , мол, что сама виновата, все так живут.

- Ну, допустим, не все, я так не живу.

- А ты кто по званию?

- Капитан.

- В твоём возрасте уже полковником пора быть.

- Я же звание за боевые получил, у меня «вышки» нет, да и грызня тут, вперёд молодых толкают, а я уже сколько лет в капитанах, в лучшем случае на пенсию майором уйду. Первый раз долго после ранения восстанавливался, жена ушла,

устала ждать, думал, останусь инвалидом, но восстановился, стал работать дальше, только на Кавказ уже не посылали.

- А что, было и второе ранение?

- Это уже здесь, в конце девяностых у нас тут банда была, главный Бык, Витька Бычков, в нашем классе учился, собрал вокруг себя недоумков, рынок местный крышевали, палатки. Команды брать их не было, вели себя не очень громко, делишки обтяпывали свои, а тут из Москвы ориентировка, взяли курьера, а он нашим, местным оказался. Вёз 15 килограммов синтетического наркотика. Он Быка сдал, мол, есть в городе химик, который это зелье варит. По-тихому начали на Быка копать, он каждую неделю большие партии в Москву гоняет, а наркота чистейшая, она пока до потребителя дойдёт, сто раз её перебодяжут, а тут чистоган. Искали лабораторию и химика, не нашли, стали банду крутить, все знали, что Бык наркотой торгует, а где берёт, никто не знает. Тут звонок из Москвы, последняя партия - не наркота, а яд, людей много умерло, спасти не удалось. Ладно бы обычные наркоши, а тут и музыканты, и тусовщики, и дети чиновников, даже пара высших руководов и депутатов, полный расклад. Нас ночью подняли, решили брать Быка, тем более информатор слил, что будет встреча химика и Быка. Только сунулись, как Бык стрелять начал, первым начальник наш шёл, а я шевеление за дверью услышал, щелчок затвора, его отбросил, а сам с линии уйти не успел, задело в плечо. Успел выстрелить пару раз, оказалось, Быка застрелил, а больше там никого и не было. Меня отстранили, долго разбирались, должны были живьём взять. ФСБшников очень новая наркота заитересовала, думали, что Бык и есть химик, но я-то Витьку знал, он еле на тройки закончил школу, какой тут химик. Потом Василич, начальник мой, отмазал, вспомнил, наверное, что я ему жизнь спас, но теперь участковым бегаю, тоже работы много, район неспокойный, железнодорожный вокзал, гостиница, много происшествий.

- Бедненький, - она притянула его к себе и поцеловала, он и не заметил, как они уже лежали в кровати и обнимались.

Утром он встал пораньше, приготовил завтрак из того, что было в холодильнике, развёл кофе, они позавтракали. Посмотрел ногу, и убедившись, что ходить она может, побежал домой за формой. Встретились они в отделении, на разводе. Начальник представил Ирину, как нового сотрудника, переведённого из Москвы, пожелал хорошей службы. Вечером они гуляли по городу, а через два дня он познакомил её с мамой.

Как-то вечером шёл домой и увидел маму Володи, которая стояла возле четырёхэтажного сталинского дома и подпрыгивала, пытаясь взлететь и

посмотреть в окна последнего этажа.

- Вам помочь? - вежливо спросил он.

- Да, Элька, зараза, Володю к себе пригласила, а он телефон выключил. Беспокоюсь вот, как бы чего не случилось, давайте поднимемся к ним, товарищ участковый, посмотрим, а то кричат там сильно.

Из окна раздавались стоны. Домофона в доме не было, лифта тоже. Они поднялись на последний этаж, Николай позвонил в дверь. Дверь открыла раскрасневшаяся, растрёпанная Элеонора в коротком халатике на голое тело:

- Чего тебе, участковый?

- Да вот, гражданка за сына беспокоится.

- А чего за него беспокоиться? - хриплым голосом сказала она. - Володя, мама пришла.

Из комнаты высунулся Володя, прикрывшись полотенцем:

- Мама, я тебе потом позвоню, иди домой.

- Слышали, пока, - сказала Элеонора и захлопнула дверь.

Город, да что город, область лихорадило. Все ждали нового ток-шоу, где объявят победителя, и вручат 50 тысяч. Всю неделю показывали романтические свидания и отрывки из прошлого ток-шоу. Цены на билеты выросли, но это никого не останавливало. Было решено пригласить пару фольклорных коллективов, чтобы расширить батл.

Сосновские уже приехали в качестве ансамбля, неделю репетировали в сельском клубе, как выразился один известный поэт и композитор «под гармонь и хруст баранок», хореографом выступил дед Кузьмич, который помнил, как ещё до войны танцевали. Достали из сундуков ещё бабкины и дедовы одежды, косоворотки и цветастые платки. Ансамбль «Коноплянка» тоже готовился к финальному батлу - гладили сарафаны и расшивали кокошники. Ещё приехали коллективы из деревень Смирновка и Косорыловка, причём Смирновку представляли казаки, а Косорыловку - татары. Но и те, и другие честно победили на областном конкурсе, заняв первое и второе места. Съёмочная бригада была усилена операторами областного телевидения. Собирался даже губернатор, но по дороге заехал посмотреть «долину нищих» и завис в бане у мэра, но позвонил и попросил начинать без него.

- Шоу маст гоу он, - пел хор, специально приехавший из области, под аккомпонемент духового оркестра.

Все участники были уже на сцене. Отдельно, в полукресле, сидела Татьяна, в двух других полукреслах сидели капитан Сапожков и Харви, почему-то без бороды. Светлана сидела на банкетке рядом с Сакиным, а Элеонора с Володей. Авоськин и Чикин сидели каждый на своем стуле.

- Здравстуйте, здравствуйте, дорогие мои жители Сливска, - вещал Добин.

- Здравствуйте, дорогие мои телезрители, - прокричал Серж, у которого борода так и не отросла, оставаясь на уровне щетины, но в этот раз он накрасил всё-таки глаза и ещё больше напоминал известную певицу Кончиту Вюрст.

- Итак, начинаем наше ток-шоу.

- Сегодня мы узнаем, кто победил в борьбе за руку и сердце прекрасной Татьяны и кто получит приз, - он потянул паузу, - пятьдесят тысяч рублей и подарок от сети магазинов «Барс+».

- И узнаем того, кто отвалился в финале и получит 15 тысяч рублей, - закончил Добин.

- А сейчас мы попросим рассказать наших участников, как изменилась их жизнь за то время, пока они участвовали в проекте. Ну, давайте начнём с вас, Светлана.

- Ой, Славочка такой хороший, я сразу после шоу поехала в отделение полиции и просидела с ним всю ночь. Он - мой защитник, я думаю, что за ним я буду, как за каменной стеной. Спасибо проекту, я нашла себе спутника жизни.

- А вас не смущает, что он получил пятнадцать суток, и его отпустили на передачу под честное слово, а потом будет суд, который неизвестно какое может принять решение?

- Ну, ты, - дёрнулся Сакин, и все увидели, что одна рука у него прикована к стулу, но Светлана стала гладить его по другой руке и что-то шептать на ухо.

- Нет, не смущает, вместе мы пройдём через всё.

Зал зааплодировал.

- Тогда вопрос к Вячеславу, вы довольны своим выбором? - спросил Лев Давыдович.

- А чё, Светка клёвая, - и он ущипнул её за задницу.

- Спросим у Элеоноры, почему вы сидите рядом с Володей, и где его мама? – поинтересовался Серж.

- Ой, Володечка такой хороший, в нём столько нерастраченной страсти и любви. Он просил меня выйти за него замуж, и я согласилась. Мама, конечно, предлагала мне денег, но я отказалась. Он просто чудо, правда, пуфик?

Володя что-то промычал, потом взял микрофон:

- Она божественна, утончённа, львица в постели. Она мне сразу понравилась, хочу, чтобы она родила мне детей.

- Без мамы он стал более разговорчивым, - пошутил Лев Давыдович.

- Ну, а вы, Фёдор, как у вас на личном фронте? - спросил Серж.

Фёдор встал и покраснел краснее своих веснушек:

- А мы чего? Я тут тоже посватался, хорошо девка отплясывала в прошлый раз, в «Коноплянках», она вон стоит, готовится выйти, махни рукой, Настенька, - из толпы, где стоял ансамбль «Коноплянка», махнула рукой рыжая, крепкая девица в красном атласном сарафане и кокошнике. Я посватался, она не отказала, я её в Сосновку возил, с детьми познакомил.

- То есть вы тоже нашли свою половинку?

- А тож, - покраснел ещё гуще Фёдор.

- Ну а вы, Чикин, как у вас на личном фронте? - пристал к нему Серж.

Было видно, что Илье плохо. Одно из условий появления на передаче было «ни капли в рот, ни миллиметра в попу», как с гадкой ухмылкой высказался Васисуарий. Ему хотелось похмелиться, голова болела, те две бутылки холодной минералки, которые он выпил в гримёрке, состояние не улучшили. Хотелось холодного пивка, которое живительной влагой пробежало бы по жилам, на худой конец лафитничек ледяной водочки, согреть замёрзшую душу, но ни того, ни другого не было. Правда, от ребят-операторов он услышал, что после съёмок все пойдут к Армену отмечать окончание шоу, но его туда не позовут после того, как он облажался. Он потел, ежеминутно доставал платок и вытирал свою плешь. Но надо было отвечать.

- Я, честно говоря, хотел заработать денег. Любовь такая штука, её в шоу не найдёшь, она как выстрел, хлоп и сразу в сердце. Я давно встретил такую

девушку, увидел её тогда, в парке, в белом платьице, молодую, свежую. Я ее полюбил. Конечно, она уже не такая юная, не такая красивая, но я её всё равно люблю. Вот она, сидит в первом ряду, - и он показал на Наташу, которая плакала, размазывая косметику по лицу, потом вскочила и выбежала из зала. - Можно я пойду за своей любимой?

Он раскланялся и под полное молчание зала спустился со сцены и пошёл на выход. Первым встал и захлопал ему в спину Добин, за ним начал хлопать весь зал, какая-то девушка зарыдала, через минуту - вторая, через пять минут половина зала уже размазывала косметику по лицу.

- Вот так вот уходят герои, всего лишь одного шага ему не хватило до попадание в финал, - сказал Серж.

- Итак, осталось два претендента на руку и сердце прекрасной Татьяны - капитан Сапожков и байкер Харви. Но прежде, чем мы узнаем, кого выбрала Татьяна, предлагаем посмотреть танцы в исполнении коллективов из деревни Смирновка и деревни Косорыловка. Можете голосовать за них по короткому номеру 6969, отправить смс Смирновка или Косорыловка.

Пока коллективы пели и отплясывали, все участники спустились в зал и заняли места в первом ряду, кроме Николая, Татьяны и Харви.

- Ита-а-ак, наше шоу продолжается! - прокричал Серж после того, как казаки и татары ушли со сцены.

- Мы бы хотели узнать, кого выбрала Татьяна из этих двух симпатичных, здоровых, крутых парней, - подхватил Лев Давыдович.

- Особенно жителей города интересует, кто получит главный приз 50 тысяч.

- Да нет же, главное - это любовь, только она толкает людей на безрассудные поступки. Скажите, Харви, почему вы сегодня без бороды?

- Ну, Таня хотела, чтобы я сбрил бороду, а мне этого не хотелось, но ради любви пришлось побриться. А ещё я хочу сказать: «Таня, я тебя люблю!»

- Татьяна, что вы скажете? - спросил Серж.

- А что тут скажешь? Я понимаю, как Харви тяжело было решиться на этот шаг, но теперь я вижу, что он действительно меня любит. За этой непробиваемой бронёй я вижу очень ранимое сердце. Николай, вы хороший человек, желаю вам найти хорошую, любящую жену, но я выбрала Харви.

Зал потонул в аплодисментах.

- Итак, вопрос решён, Татьяна выбрала Харви, - возопил Серж.

Харви вышел за кулисы и вернулся с огромным букетом белых роз:

- Я хочу при всех сделать тебе предложение. Выходи за меня замуж, - он встал на одно колено и протянул ей букет.

- Я согласна, - сказала Татьяна.

- Ита-а-а-ак, дамы и господа, я вручаю будущим молодожёнам конверт, в которм 50 тысяч рублей и купон, по которму они могут выбрать любой подарок на свой выбор в сети магазинов бытовой техники « Барс+». Также наша швейная фабрика пошьёт костюм и платье на свадьбу молодожёнам бесплатно, а в салоне «Нимфа» сделают причёску невесте,- верещал Серж.

Николай стоял на сцене, потом выхватил микрофон у Добина и сказал:

- Раз уж такое дело, то я тоже хочу сделать предложение одной девушке, - зал замер, - недавно я её встретил на улице, под дождём, беззащитную и сразу влюбился. Она сейчас в этом зале, среди моих коллег, потому что тоже полицейский. Ира, я прошу тебя, выходи за меня замуж.

Он тоже зашёл за кулисы и вынес оттуда большой букет белых роз, спрыгнул со сцены и пошёл к ней. Она вскочила и бросилась ему на шею.

- Я согласна, - прокричала она.

- Что, что вы сказали? - спросил Серж, который держал второй микрофон.

- Я согласна!

- Вот это поворот, вот это сюжет, - кричал в камеру Серж, - мы даже не могли себе такого представить! Что?

Он подошёл к директрисе «швейки», они пошептались:

- Швейная фабрика пошьёт бесплатно костюм и платье вам на свадьбу.

Николай взял будущую невесту на руки и поднялся с ней на сцену, зал аплодировал, Харви тоже взял Татьяну на руки, они постояли и ушли за кулисы, а на сцену выскочили под игру гармонистов «Коноплянка» и Сосновские. Фёдор лихо отплясывал с Настей.

Вечером вся съёмочная группа собралась в кафе «У Армена». Накрыли шикарный стол, было много водки, произносилось много тостов, проект был удачный. Васисуарий подсчитывал барыши, два «лимона» - это лично его деньги, пора подумать о хорошей иномарке или возвращаться в Москву. В углу сидела грустная Тоня. Гоша мигнул Гене, тот взял бокал с вином, и друзья подсели к ней:

- Привет, выпьешь?

- Я не пью.

- Да ладно, за окончание проекта, - сказал Гоша.

- Ну, если только, - она залпом выпила бокал красного.

Гоша мигнул, Гена налил снова.

- А ты чего такая грустная?

- Да так, задумалась о жизни, - она залпом выпила второй бокал, слегка порозовела.

- О чём? - Гоша засмеялся. - А что у тебя не так?

- Да всё не так, жопа какая-то, - она выпила ещё бокал, вовремя подсунутый Геной, - водки налей.

- Ого, наш человек, - сказал Гоша.

Тоня родилась в обычной семье, папа - слесарь, мама - учитель. Всё у них было хорошо, только в школе и в жизни Тоня считалась некрасивой девочкой. Она училась на «пятёрки», делала домашние задания, чтобы мальчики попросили у неё списать, она давала, они списывали и тут же про неё забывали. Дружить с ней никто не хотел, мама одевала её в платья, которые ужасно на ней сидели, она сама себя стеснялась и на всех школьных дискотеках сидела в углу, боялась, что над ней будут издеваться, если она будет танцевать. В институте ничего не поменялось, она его закончила с красным дипломом, но личная жизнь не складывалась.

Устроилась на местное телевидение. Ираида даже несколько раз предлагала с ней переспать, но Тоня испугалась, на такой подвиг она была не готова. То, что в 32 года она была девственницей, говорило о многом. Но в этот вечер она решила напиться и будь, что будет. Водка разбудила вулкан, такой горячий, что уже через 2 часа она голая на застеленном старой простынёй диване в квартире у

Гоши выполняла приказы:

- Повернись, подними, раздвинь, так, молодец.

И она поднимала, раздвигала и поворачивалась, потому что в душе была развратной порноактрисой. Гена, естественно, всё это снимал на камеру, иногда помогая другу.

Утром друзья хотели всё это выложить в интернет, но Гоша вдруг заупрямился:

- Знаешь, не надо, она хорошая, добрая, я давно за ней наблюдаю и после этой ночи я на ней женюсь.

Так и Тоня стала счастливой невестой, а видеозапись они с Гошей иногда пересматривали, так сказать, для изюминки.

Эпилог

- Эх, девчонки, Светку повезли в родильное, у Сакиных пополнение будет, - сказала красивая, светловолосая женщина с большим животом. - Когда уж я разрожусь?

- Да сиди ты, - сказала темноволосая, срок придёшь, родишь. - О, вот и мой Харви подъехал, опять с Кабаном, что-то привезли, фрукты, молоко.

- Да, деревенское молоко вкусное, - сказала Ирина. - Насте Фёдор привозит постоянно.

- Так у нас же своя корова, мы не покупаем, - сказала крепкая рыжеволосая девушка с большим животом. - Вам хорошо, а у меня двойня, рыжие будут, как мы с Фёдором, мне врач сказал, что через неделю, не раньше.

- Элька родила три дня назад, в отдельной палате лежит, Вовка, телок телком, станет и смотрит на них с дочкой, а свекровь сказала, что в Испанию полетела, купили они там домик на берегу моря, чтобы ребёнок здоровым рос, хотя гражданство менять не хотят, - сказала Татьяна.

- Да, откуда деньги у людей? - сказала Настя. - А вы куда потратили 50 тысяч?

- Туда же, в магазине взяли «стиралку» большую, у нас же ещё Кабан и компания, тоже как дети, земли купили, они там мастерскую делают, чтобы ребятишки могли сами карты делать, и трассу под картинг делают, но там основные деньги от мастерских и заправки с кафе. А так на жизнь хватает и ладно, мужчины, они как дети.

- О, Колька примчался, папа приезжал из Москвы, сказал рожу, и перевод ему сделает в центральный аппарат, а пока майора дали, он же не знал, что женится на генеральской дочке, - засмеялась она, - но переводиться ни в какую не хочет, здесь, говорит, останусь. Ладно, девчонки, пойдёмте на свиданку, вон, трактор закоптил вдали, к тебе Настя Фёдор мчится, Спиди-гонщик, вроде никого не ждём.

Васисуарий с Сержем упаковывали вещи. Телеканал всё-таки закрыли. Вернее арестовали. За патрона взялись всерьёз: кому-то не заплатил, кому-то не дал на лапу. Счета заморозили, собственность конфисковали. Новым хозяином стал местный мэр, который предложил Васисуарию отступных пять миллионов, чтобы тот отказался от прав на шоу, да и с «заднеприводными» он не очень ладил. Тот согласился, но копию припрятал. И вот, они с другом собирались в Москву. Васисуарий присмотрел квартирку на окраине, но рядом с метро. Решили ехать ночным проходящим, там был вагон СВ, чтоб с комфортом.

Они вызвали такси, «Калину» продали вчера, ехать на такой машине в Москву было неприлично. Вещи поместились в два больших чемодана, туда положили банковские пачки денег. То, что в восьми из десяти пачек были фальшивые купюры, они узнают только в Москве, когда поедут расплачиваться за квартиру, а пока они уезжали победителями. То, что он не станет вскрывать банковскую упаковку, мэр с юристами просчитали, сверху положив две пачки с настоящими пятитысячными купюрами. Он расписался в бумагах, в том числе и за получение денег. А пока в радостном настроении они сели в такси и поехали на вокзал.

Когда выехали на центральную улицу, навстречу им пролетела «бэха-трёха», Сакину позвонили, Светлана родила девочку, он летел в роддом с огромным букетом роз. Ему присудили тогда 300 часов исправительных работ, он по ночам подметал площадь вокзала, но Света его «дождалась», и они стали жить вместе.

- Вот же, разлетался, - проворчал водитель жёлтого такси.

- Совсем обнаглели, - сказал Васисуарий, Серж промолчал.

Разговор не клеился, каждый думал о своём. Васисуарий думал о столичном шоу-бизнесе, строил планы проникновения на центральные каналы. Серж думал о том, что здесь он блеснул, несколько месяцев был звездой, а в Москве станет опять простым любовником, практически домохозяйкой, если только Васисуарий не впихнёт его на какой-нибудь канал, на какое-нибудь шоу, а водитель думал, сколько можно с клиентов стрясти денег.

- Васисуарий Апполонович, уезжаете? Позвольте, помогу, - к ним подбежал Чикин, который с компанией ждал проходящего поезда - вдруг какому-нибудь

командировочному понадобится консультация: где купить ночью спиртное? А уж с кем распить, проблемы не было.

Чикин схватил два чемодана сразу, покатил, показалось неудобно, он бросил один чемодан покатил второй, откатил, бросил и вернулся за первым.

- Чикни, Чикин, мы сами, спасибо.

Они схватили каждый по чемодану, и покатили к входу в вокзал.

- Васисуарий Апполонович, может, поможете материально, трубы горят, - страдальчески скривившись, запричитал Чикин.

- Ладно, на, чтоб глаза мои тебя… - он вытащил 500 рублей из кармана и бросил смятую бумажку в Чикина.

Тот схватил бумажку на лету и поклонился:

- Золотой вы человек, хорошей вам дороги.

Через десять минут они с Сержем сидели в СВ. Серж разлил в пластиковые стаканчики припасённое заранее шампанское, они, молча выпили, думая каждый о своём. Через полчаса Васисуарий прилёг и заснул под стук колёс.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Мчится он по полю на розовой тачанке, в розовой плюшевой будёновке и розовом мундире. Сзади, за пулемётом стоит на коленях, смешно оттопырив задницу, в леопардовых легинсах Серж и стреляет из «Максима», расписанного под хохлому.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Стучат копыта четвёрки белых лошадей. В одной руке у него радужное знамя, другую он козырьком приложил к глазам и смотрит вперёд. На розовой будёновке блестит звезда из золота, но почему-то шестиконечная, звезда Давида, но это потом, потом будем разбираться, подходит ли она к будёновке, а сейчас… Чу, впереди бегут враги, гомофобы, вот бегут сливский мэр, начальник полиции и прокурор, они оглядываются, показывают средний палец и гнусно смеются.

—Ну, я вас, - он достаёт из кобуры большой розовый маузер, весь в стразах, и начинает стрелять в спины бегущим врагам, - умрите, умрите.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Он стреляет им в спины и видит, как розовыми кляксами по спине растекаются раны и быстро затягиваются. Они оборачиваются и гнусно смеются, стреляя в него из своих некрасивых чёрных пистолетов, но пули свистят мимо.

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Впереди он видит указатель «До Охотского моря 5 километров» и он радостно смеётся…

Ту-тук, ту-тук, ту-тук.

Проходящий поезд увозит его в Москву, в новую жизнь, он улыбается во сне…

3 мая 2017 г.